

Борис Априлов

Морские приключения Лисенка

Приключения Лисенка – 2

<http://lib.aldebaran.ru>

«Морские приключения Лисенка»: София-пресс; София; 1976

Аннотация

Вторая часть серии Бориса Априлова о приключениях Лисенка.

Обогадившись жизненным опытом в первой части, Лисенок задается философскими вопросами об устройстве мира и с новым другом – Ослом – отправляется к морю, переживая по дороге массу приключений.

Прекрасное продолжение первой части, вторая книга становится более лиричной по настроению, чему в немалой степени способствует замечательный финал – встреча Лисенка с Автором.

Борис Априлов

Морские приключения Лисенка

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РАЗДУМЬЯ.

После возвращения Лисенка из гнезда Каменара прошел тридцать один день. Как-то Лисенок отправился на прогулку. Возле большого дерева он остановился и задумался. Он слышал, что лучше всего думается, когда глядишь в одну току.

Поскольку поблизости не было никакой точки, Лисенок стал глядеть прямо в дупло дерева. Дупло было очень глубоким, а потому и мысли Лисенка приобрели необычайную глубину. «Тридцать дней – это еще куда ни шло,.. но тридцать один день – это уже слишком!.. Тридцать дней можно вести себя примерно, но тридцать один день – невозможно. Тридцать один день никто не может вести себя примерно, как бы ни старался.

Кроме того, – продолжал рассуждать Лисенок, – примерным может быть лишь тот, кто не видел широкого света. А я его видел. Свет очень длинный и очень широкий...

Ладно, но ведь свет не только широк... Разве свет – это лишь то, что видно из орлиного гнезда?.. Смешно утверждать подобные вещи. Если это так, то свет не так уж велик и напрасно так много говорят о его величине... Ясно одно – пора покинуть Тихий лес и отправиться в дорогу.

Но с другой стороны, – размышлял Лисенок, – я обещал стать послушным и не создавать другим забот. У взрослых своих дел и забот достаточно. Зачем их огорчать?»

Похоже, последняя мысль оказала свое благотворное действие. Лисенок перестал рассуждать и отправился дальше. Тихий лес благоухал. Повсюду цвели яркие цветы.

Лисенок с удовольствием вдыхал их аромат и приходил к выводу, что жизнь поистине прекрасна.

Мимо него проходили обитатели леса – одни спешили на работу, другие – в школу.

Птицы оглашали простор своими песнями. Такая уж у них работа – петь с утра до вечера, радовать всех. Об этих птицах говорили, что они служат искусству.

Лисенок не знал, что такое «искусство» и почему нужно всю жизнь ему служить, но решил, когда вырастет, тоже посвятить себя искусству. Впрочем, уже и теперь не мешает научиться петь – как соловей, например.

Несколько дней назад он посетил Главного соловья Тихого леса и дал ему понять, что желал бы служить искусству – забраться на какую-нибудь ветку и запеть, как птица. Главный соловей сказал ему:

– Это можно, но прежде всего тебе следует научиться взбегать на тоновую лестницу и спускаться с нее.

– Хорошо, научусь, – пообещал Лисенок и ушел, постеснявшись спросить, что такое «тоновая лестница». Напрасно он искал такую лестницу по всему лесу. Он так и не смог найти ее.

Пройдя еще несколько метров, Лисенок увидел Хитрушу и Рыжуху. Они играли в чехарду. Лисенок обошел сестер издалека, ему совсем не хотелось играть с ними.

Родители говорили о них, что они развиваются медленно, но радовались их послушанию.

Лисенок снова погрузился в раздумья. Озорник вдруг понял, что может думать на ходу. Это открытие поразило его. Он остановился, чтобы проверить, остановятся ли его мысли. Ничего подобного. Мысли продолжали течь своим чередом:

«Трудно быть послушным. Я могу совершить сто героических поступков, съесть сто груш, подскочить сто раз, но быть послушным не могу. А кажется, что быть послушным совсем нетрудно – стой себе на одном месте, не скачи, не совершай героических поступков, просто выполняй все то, чего хотят от тебя папа и мама. А это так трудно... Да что там трудно – невозможно!.. И все же взрослые говорят обо мне: „В сущности, этот Лисенок очень симпатичный малыш.“ Почему они так говорят?

Такие мысли витали в голове Лисенка, когда он шел и когда останавливался, чтобы понять, остановятся ли и его мысли. Таким образом Лисенок понял, что мысли живых существ не останавливаются.

«Хорошо, мысли не останавливаются, – продолжил свои размышления Лисенок. – А что происходит, когда мы спим? Что тогда происходит с мыслями? И они спят? Возможно, но мне в это не верится. Мне кажется, что когда мы спим, мысли начинают развлекаться. Они развлекаются, дают представления, а мы называем эти представления снами... А что происходит с мыслями, когда мы умираем? И они умирают?»

Этот вопрос испугал шалуна. Он решил немедленно отправиться к Медведю. На это у него было две причины: во-первых, надо узнать правду; во-вторых, Медведь должен понять, что Лисенок – не глупый несмышлениш, который умеет только теряться.

Озорник подскочил и побежал к Медведю. Тропинка вилась среди деревьев и зарослей папоротника. Лисенку стало легко и радостно. Он невольно запел. Он и сам не понимал, как рождаются его песни, как они приходят ему в голову. На этот раз он напевал такую песенку:

Пускай, пускай, пускай пускай, тра-ля-ля-ля!..

Сам Лисенок из всей песенки понимал только слово «тра-ля-ля-ля». Что означает слово «пускай» и что именно пускай – на эти вопросы ему еще только предстояло ответить. Но до этого ему предстояло выяснить, что это он вдруг узрел...

На гладком камне неподвижно застыла жаба. Лисенок остановился и принялся ее рассматривать.

– Вы – памятник? – тихо спросил он.

– Нет.

– А кто вы?

– Я есть я.

– Но кто же вы все-таки?

– Жаба-мечтательница из первой части романа, меня зовут Зевака.

– Ага!.. А что вы здесь делаете?

– Мечтаю.

– Ага!.. А о чем вы мечтаете?

– Раньше я мечтала допрыгнуть до Луны.

– Вот как? А почему?

– Чтобы громко квакнуть оттуда.

– Ага... Интересно.

– Интересно, но все меня высмеивали, и теперь я решила мечтать ради самих мечтаний. Ведь существуют мечтатели, которые все свое время посвящают мечтам и все никак не намечтаются.

– Понятно, – согласился Лисенок. – Тогда приятных мечтаний... Я спешу.

– Куда?

– На поиски истины.

– И ты тоже? – Зевака покачала головой и снова замерла, погружившись в свои мечты.

Лисенок пошел своей дорогой. Время от времени он оборачивался, чтобы увидеть «памятник». Неужели жаба не пошевелится ни разу? Но ведь этого не может быть!

Должна же она когда-нибудь пошевелиться!.. Чтобы почесаться, например...

Лисенок остановился, обернулся, потом пошел назад.

– Послушай, – обратился он к жабе. – Я слышал, что некоторые могут подолгу стоять или сидеть неподвижно... Но что ты делаешь, если почувствуешь зуд? Или вы, мечтатели, не чувствуете его?

– Почему же? Случается иногда.

– Что же вы тогда делаете?

– Чешемся... Вот сейчас я, например, чешусь.

– Да?! А как?

– Мысленно. Это достигается регулярными тренировками и напряжением подсознания.

– Ага!.. – удивленно произнес Лисенок, но потом решил на откровенность и добавил: – Видите ли, я еще не понял, что такое сознание, а вы мне говорите о подсознании.

– Придет время, поймешь, – заявила Зевака, не меняя позы.

– Мне постоянно твердят о каком-то времени, которое придет. Похоже, время это нечто такое, что приходит и непременно сейчас же ускользает... Надоело мне все время ждать и упускать... До свидания.

Медведь, как всегда, оказался занят. Он дописывал речь, которую ему предстояло произнести перед членами Лесного совета.

– Садись и подожди, – сказал Медведь. – Мне осталось дописать последнее предложение. Нужно придумать что-нибудь простое и в то же время отличающееся от тех фраз, которыми я до сих пор заканчивал свои выступления.

– Ладно, я подожду, – охотно согласился Лисенок.

– Идеальная концовка! – вдруг воскликнул Медведь. – «Господа, благодарю вас за внимание!» Так я и закончу свою речь – поблагодарю своих слушателей... Благодарю и тебя, Лисенок.

– Не за что, – вежливо произнес сорванец. Медведь отложил в сторону карандаш и поинтересовался:

– Что привело тебя ко мне?

Лисенок решил сразу же перейти к делу. Он склонил голову и заговорил:

– Есть у меня к тебе один вопрос... Сегодня я решил целый день размышлять, чтобы потом принять некоторые решения.

– Правильно, Лисенок... Поступи ты наоборот, это было бы ошибкой.

– Почему?

– Потому что неправильно сначала принимать решения, а уже потом размышлять и сожалеть. Ты умный ребенок. и мы с нетерпением ждем. когда ты вырастешь.

– А что вы тогда станете делать?

– Введем тебя в Лесной совет. – Лисенок даже вздрогнул при мысли о том, что когда-нибудь станет сидеть на одном месте и принимать решения. Медведь, видимо, понял его состояние и сказал: – Слушаю тебя.

– Я хочу знать, что происходит с мыслями живого существа, когда оно умирает.

Мысли тоже умирают?

Медведь почесал затылок, нос, потом начал кашлять. Лисенок тоже принялся кашлять. Потом смутился и опустил голову.

– Итак, – начал Медведь, – все зависит от мыслей... Важные, глубокие мысли продолжают жить и после смерти, а незначительные, пустые – умирают вместе с нами... Даже больше того – порой мелкие мысли умирают раньше того, кому они пришли в голову... Понимаешь меня или повторить все сначала? Если хочешь, объясню тебе на схеме.

– Нет, нет, – ответил Лисенок. – Мне кажется, что я вас понял. Значит, мысли живут и после смерти того, кому они пришли в голову...

– И мысли, и дела, – уточнил Медведь. – Если это стоящие дела и мысли.

– Все ясно. Большое спасибо. Медведь посмотрел на письменный стол, потом на своего юного гостя:

– У тебя есть лист бумаги?

– Нет.

Медведь оторвал от последней страницы своего доклада оставшийся неисписанным клочок бумаги, что-то написал на нем.

– Что вы там написали? – с любопытством спросил Лисенок.

– «Я на заседании. Не беспокойтесь. Вернусь вечером. Медведь...» Оставлю записку, чтобы дома не беспокоились... Пошли, я опаздываю.

Они вместе вышли из дома Медведя. Приколов с наружной стороны двери записку, председатель Лесного совета попрощался с Лисенком и отправился на заседание.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЧТО МОЖЕТ НАДЕЛАТЬ ОСТАВЛЕННАЯ ЗАПИСКА.

Ветер раскачивал записку, и она трепетала, как лист на дереве. Лисенок с волнением смотрел на нее. В его голове зарождались новые мысли. Он и не предполагал, что какой-то раскачиваемый ветром клочок бумаги может породить такое множество мыслей. «Выходит, в жизни даже это предвидено. Если кто-то хочет исчезнуть, достаточно оставить записку и... Все предвидено, только мы, дети, этого не знаем и потому совершаем ошибку за ошибкой».

– Ты что на меня уставился? – неожиданно спросила записка.

– Просто смотрю на тебя и думаю.

– О чем?

– Значит, таким образом оставляют записки, а?.. Я слышал об этом, но впервые вижу, как это делается.

– Так и оставляют, – подтвердила записка. – Пишешь, прикалываешь и уходишь!..

– Приколоть и уйти легко, а вот написать... Ты даже не представляешь себе, как трудно дается мне письмо.

– Это меня не интересует. Моя жизнь коротка. Меня прочтут и сразу же порвут. Не дадут даже порадоваться жизни. Поэтому уходи и не мешай мне любоваться природой...

Маленький озорник с досадой посмотрел на записку и сказал:

– Может, ты и записка, может, ты и висящая, и говорящая, но невоспитанная, поэтому я не желаю иметь с тобой дело!.. Даже «до свидания» тебе не скажу!

И Лисенок пошел по тропинке. Вскоре он увидел кукушку.

– Не надоело тебе всю жизнь петь одну и ту же песню?.. Ку-ку, ку-ку...

– Что с тобой. Лисенок?

– Настроение плохое... В этом лесу меня оскорбляют па каждом шагу.

– Это тебе только кажется, – возразила кукушка. – Ты что-то вбил себе в голову, и теперь все видится тебе в ином свете.

Сорванец поспешил уйти, опасаясь, что кукушка прочтет его мысли и посвятит в его планы весь лес. Но потом успокоился, вернулся домой, нашел листок бумаги и снова убежал в лес.

Лисенок впервые держал в руках карандаш. Он осмотрелся, бросил взгляд на листок бумаги, потом упер в него острие карандаша. На бумаге появилось нечто вроде черточки. Лисенок пришел в восторг.

– Это написано мною!.. Может, я написал нечто исключительно интересное, но ведь я не умею читать, и написанное останется для меня тайной. Это настоящая трагедия – уметь писать и не уметь прочесть написанное.

Полюбовавшись своим творением, непоседа направился к дому Лохмача. Волк занимался своим утренним туалетом – приглаживал шерсть перед тем, как отправиться в Лесной совет.

– Доброе утро, дядя Лохмач!

– Доброе утро, Лисенок. Чем занимаешься?

– Да ничем особенным, – скромно ответил Лисенок. – А вы что делаете?

– Приглаживаю шерсть, но стремлюсь, чтобы нрав у меня оставался прежним.

Наверно, тебе нужна моя помощь?

Надо же – все угадывают его мысли!

– Что-то вроде того, – сказал маленький непоседа. – Со мной приключилась неприятность. Я вдруг понял, что совершенно забыл, как пишется буква «Я». Если можно, напишите ее вот здесь.

Лохмач взял карандаш и написал на листе букву «Я» – Ну, конечно! Теперь и я вспомнил! – воскликнул Лисенок, разглядывая букву...

Спасибо. До свидания.

Озорник быстро побежал по тропинке, а Лохмач удивленно смотрел ему вслед. А Лисенок уже распевал новую песню:

Буква Я есть у меня, буква чудная, ура!..

Неожиданно он увидел Ежа. Тот нюхал красивый синий цветок. Вдыхая, еж превращался в большой шар, выдыхая, снова становился продолговатым. Лисенок выбрал удобный момент и произнес:

– Доброе утро, дядя Еж!.. Чем занимаетесь?

– Учусь нюхать цветы.

– Понимаю... Это должен уметь каждый. Таким образом привыкаешь отличать запах цветов от запаха одеколona.

– Что ты говоришь такое? – возмутился Еж. – Ты же знаешь, что в доме повешенного не говорят о веревке!

– Я говорю об одеколone, – пояснил Лисенок.

– Это почти одно и то же, одеколон напоминает о бритье... Представь себе бритого ежа и ты поймешь меня.

– Честно говоря, я уже не знаю, с кем как разговаривать, – обиделся Лисенок. – Я хочу на этом месте написать букву «Н», но не решаюсь попросить вас об этом. Кто знает, что вы подумаете.

– Что-то я опять тебя не понимаю.

– Впрочем, почему бы вам не написать ее!.. Я буду хранить написанную вами букву, как память...

Еж с готовностью написал букву, потом украсил ее иголкой и заявил, что это его личный почерк. Лисенок поблагодарил ежа и побежал прямо к домику зайца Сивко.

Сивко грыз большую репу. Непоседа стал следить за его движениями. Заяц так мастерски обгрызал ее со всех сторон, что репа становилась все меньше, но не утрачивала при этом первоначальной формы.

– Почему ты обгрызаешь ее со всех сторон?

– Изобрел новый способ, – объяснил Сивко. – Так все время кажется, что репа целая. Сначала это была большая репа, потом стала репой поменьше, потом совсем маленькой. Такое впечатление, будто съел несколько различных по величине реп.

– Ну и что?

– Как что?.. Одно дело – съесть всего одну репу, другое – несколько. Ведь так?

– Нет, не так.

– Почему?

– Потому что репы считают по хвостикам.

– К сожалению, ты прав, – грустно согласился заяц.

– Сивко, как пишется слово «АРБУЗ» – с буквы «А» или с буквы «О»?.. Мне кажется, что раньше его писали с буквы «О».

– Не слышал такого, – ответил Сивко. – Я всегда пишу его с буквы «А».

– А не мог бы ты написать это слово вот на этом месте?

– С удовольствием.

Заяц принялся медленно, словно наслаждаясь вкусом слова, выводить его.

– Как только напишешь первую букву, остановись, хочу полюбоваться ею, – попросил маленький хитрец.

– Готово!

– Значит, это буква «А»?

– Да.

– Надо сходить и к Филину.

Филин спал в ветвях дуба. Лисенок пожелал ему доброго утра, но Филин недовольно поморщился и буркнул в ответ что-то неопределенное.

– Что вы сказали? Вы что-то сказали? – насторожился Лисенок.

– Для Филина утро никогда не может быть добрым. Другое дело, если ты пожелаешь мне доброго вечера или ночи. Ночь – это по мне.

– Вы правы. Извините.

– Что привело тебя ко мне?

– Мне нужна одна буква...

– На какое время?

– Мне нужна буква «З». На неопределенное время.

– Хм! Буква тебе нужна... Хм!.. А почему именно буква «З»?

– Нужна и все.

– Что ты собираешься с ней делать?

– Играть. Сами знаете, мы, дети...

– Какая буква тебе нужна – заглавная или обыкновенная?

– А это имеет значение?

– Имеет?

– А нельзя ли что-нибудь среднее...

– Нет... Ты заказываешь мне букву, и я должен знать, какая буква тебе нужна. Это буква, не что-нибудь... Одно дело – буква заглавная, другое – обыкновенная.

– Ох, – вздохнул Лисенок – и буквы бывают главными и неглавными?

– А ты как думаешь?.. Поймай, а зачем тебе так понадобилась буква, да еще буква «З»?.. Уж не надумал ли ты чего недоброго?

– Да что может ничтожная буква?

– Все! Когда буквами злоупотребляют, чего только не случается... Посоветуюсь-ка я лучше с женой... Слышишь, Филиниха, у меня тут просят букву!

Из дупла вылезла супруга Филина.

– Кто просит? – сонно поинтересовалась она.

– Лисенок... Ему очень нужна буква «З».

– То есть как это? – удивилась Филиниха. – Что получится, если каждый станет просить буквы? Так чего доброго все буквы заберут и нам ничего не останется.

– Вот и я ему то же говорю.

– Так дело не пойдет! – возмущалась Филиниха. – Ишь ты, готов все наши буквы раздать, бросаешься ими направо и налево!

На крик прилетела любопытная сорока Нешка.

– Что случилось, соседка? – спросила сорока.

– Мой умник раздает наши буквы!.. Взгляните на него только – готов все буквы раздать, нас без ничего оставить!

– Так нельзя, – вмешалась сорока Нешка. – Такие вещи надо хранить – на черный день, а не разбазаривать!..

– И я ему это говорю! – Филиниха совсем разошлась. – Полюбуйтесь на него только!.. Раздает, разбазаривает!..

На крики прилетели и другие птицы. Лисенок схватился за голову. Он уже проклинал себя за то, что обратился к Филину с этой просьбой. Наверху разразился настоящий скандал. Сорванец шмыгнул в заросли папоротника. Когда скандал поутих, он побежал на другой конец леса, к стройной и красивой серне Грациозе.

Грациоза стояла на полянке рядом со своим серненком Эди и говорила ему что-то непонятное, а Эди громко отвечал ей – коротко и четко, но тоже непонятно.

– Из Лийверпул э порт ин Инглэнд? – спрашивала мама Грациоза.

– Иес, сэр!.. Лийверпул из э порт ин Инглэнд, – отвечал серненок Эди.

– Говори не сэр, а леди! – поправила его мать. Лисенок воспользовался паузой и поздоровался:

– Доброе утро!

Мама Грациоза обернулась и улыбнулась. Потом посмотрела на своего сына и спросила:

– Эди, что надо ответить?

– Гуд морнинг! – ответил Эди и согнул в поклоне передние ноги.

Лисенок тоже согнул передние лапки в коленях, но потерял равновесие и упал в траву.

Эди бросился ему на помощь, помог ему встать и шепнул на ухо:

– Замучали меня этим английским!

– Что привело тебя к нам, Лисенок? – поинтересовалась мама Грациоза.

– Пришел, чтобы вы написали мне букву «З». Вчера, когда мы играли, я вдруг забыл ее, а теперь она мне понадобилась, вот я и решил...

– Конечно! – улыбнулась мама Грациоза. – Сейчас же напишу ее... Где ее написать?

– Вот на этом листке.

Серна взяла карандаш и задумалась, потом снова улыбнулась, но на этот раз смущенно, и сказала:

– Как тебе объяснить?... У нас в доме изучают только международные языки, я немного подзабыла нашу азбуку. Я могу написать букву «З», но по-английски.

– А что это за язык?

– Да ты что? Это язык Шекспира!.. Эди изучает его, чтобы, когда вырастет, читать «Гамлета» в оригинале.

– Ладно, – согласился Лисенок, – напишите букву на этом языке.

– Только возьму авторучку. Не могу писать карандашом.

Мама Грациоза стала рыться в своей сумочке, а Лисенок тихо спросил у Эди:

– А что такое этот «Гамлет»?

– Ловкий убийца, действующий холодным оружием. Мне не терпится прочесть поскорее этот детектив.

Мама Грациоза изящным движением вывела Лисенку красивую английскую букву, тот поблагодарил ее и весело побежал дальше. Эди с завистью смотрел ему вслед до тех пор, пока его не привел в себя голос матери:

– Из Лийверпул э порт ин Ингленд?

– Мама, сколько раз тебе отвечать, что Ливерпуль – это порт в Англии?

Мама Грациоза вытаращила глаза, топнула ногой и крикнула:

– Эди, что это за тон?.. В наказание ты съешь сегодня два десерта!

Эди заплакал и тотчас дал правильный ответ по-английски, как того требовали его мать и всемирно известный учебник Экерсли.

А Лисенок продолжал охотиться за буквами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЗАПИСКА.

На следующий день солнца не было. Небо закрывали тучи. Тихий лес погрузился в сумрак, его зелень и цветы потемнели. В сумраке лабиринты между деревьями казались таинственными подземельями. Лисенок выглянул из норы и удивился, что так глубоко спал перед столь важным днем. Его сестры Хитруша и Рыжуха уже играли на полянке, скакали и кричали, но не так весело, как обычно, так как без солнца чувствовали себя несколько странно. «Идеальная погода для побега, – подумал Лисенок. – Солнце словно нарочно не показывается. В таком сумраке можно осуществить тысячи планов».

Он нашел бумажку, разгладил ее лапами, в сотый раз придирчиво осмотрел.

Я на заседании. Не беспокойтесь. Вернусь через два месяца.

Лисенок.

Маленький непоседа на цыпочках выбрался из норы и приколол записку. Листок затрепетал на ветру.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. МИР – ЭТО НЕЧТО ПРЕКРАСНОЕ.

Лисенок двигался медленно, так как избегал дорог, но все же успел до того, как выглянуло солнце, выбраться из Тихого леса. Он оказался возле дома Великого сыщика. Каменный дом Панцыря безмолвствовал. Из раскрытого окошка тянулась тонкая струйка дыма. Озорник подкрался к окну и стал рассматривать дым.

Принюхавшись, он уловил неприятный запах табака и понял, что это дымится знаменитая трубка сыщика. Здесь все напоминало ему об опасности, грозившей осуществлению его грандиозного плана. Встреча с Панцырем в самом начале нового увлекательного приключения была крайне нежелательна. Сыщик с первого взгляда мог раскрыть его замыслы и выдать его. И все же беглеца охватило любопытство – качество, присущее всему живым существам. Что сейчас делает Великий сыщик?

Лисенок обошел тихонько дом, заглянул в замочную скважину. Панцырь сидел в своем каменном кресле, читал газету и курил. Рядом с ним дымилось его утренняя чашечка кофе. Десятки журналов валялись на полу и на письменном столе легендарного сыщика.

– Ты, который подсматриваешь в замочную скважину, открой дверью войди!

– резко приказал хозяин.

Лисенок вздрогнул, от страха у него встали торчком уши. Проклиная свое любопытство, он робко раскрыл дверь и вошел в прокуренный кабинет.

Хозяин обернулся, посмотрел на непрошеного гостя, произнес:

– Здравствуй, Лисенок!.. Что привело тебя сюда?

– Меня?.. Я...

– Может, ты пришел на чашечку кофе?

– Возможно, – согласился озорник.

– Или хочешь поговорить о тех славных днях, когда я вызволил тебя из орлиного гнезда?

– Возможно...

– Это один из самых великих моих подвигов, – мечтательно произнес сыщик. – Дорого бы я дал за то, чтобы кто-нибудь снова бесследно исчез...

У Лисенка бешено колотилось сердечко. Он весь дрожал, но понимал, что нельзя все время молчать.

– Да, – выдавил он из себя. – Но... Вы... Как вы догадались, что я гляжу в замочную скважину?

Великий сыщик выпустил кольцо дыма и отложил в сторону газету. На его лице появилась его знаменитая загадочная улыбка.

– Пусть это останется моей тайной.

– О, прошу прощения, я не хочу выпытывать чужие тайны, как не хочу, чтобы кто-то выпытывал мои.

– Ты прав, – согласился Панцырь. – У каждого свои маленькие и большие тайны.

Никто не имеет права без разрешения проникать в них. Это задевает его свободу.

– Но ведь вы проникаете без разрешения, – произнес Лисенок, глядя прямо в глаза мудрецу.

– Я? – Панцырь откинулся на спинку кресла. – Я вмешиваюсь в чужие дела лишь тогда, когда нужно предотвратить преступление или раскрыть его.

– А сейчас... вы уже проникаете?

– Зачем? – удивился сыщик. – Сейчас я отдыхаю. Лисенок перевел дух.

– Газеты читаете, да?

– Читаю, курю, пью кофе – делаю то, что присуще лишь великим сыщикам. У нас свой стиль, которого мы придерживаемся, чтобы не походить на простых смертных.

– А я из простых смертных?

– Мы приступаем к серьезному разговору в такую рань... Не лучше ли сначала выпить по чашечке кофе, а потом ты прямо скажешь, зачем пришел.

– Хорошо, – согласился Лисенок, – хотя я и пришел без определенной цели.

– Это мы еще посмотрим, – бросил сыщик, протягивая гостю кофе.

Чашка задрожала в лапках Лисенка. Ему никак нельзя было углубляться в такие опасные разговоры...

– Сколько у вас газет!.. И вы все их прочитываете?

– Обязательно.

– Тогда вы многое знаете.

– Я живу на свете уже двести лет и узнал многое... Например... Спроси у меня, например, что написал Бетховен.

– А что он написал?

– Пятую симфонию... А спроси у меня, с какой горы берет начало река Нил.

– С какой?

– Килиманджаро.

Великий сыщик победоносно смотрел Лисенку в глаза, а беглецу казалось, что он читает его мысли.

– Из газет многое можно узнать, – произнес озорник. – О чем пишут там сегодня?

– Больше всего о путешествиях. Люди путешествуют. хотят объехать весь земной шар.

– А что значит объехать весь земной шар?

– Ну... Земля ведь имеет форму шара, так?

– Д-да.

– Вот они и отправляются по шару и объезжают его: на автомобилях, велосипедах, плотах, кораблях, лодках... Есть и такие, кто предпочитают путешествовать пешком.

– Как я!

– Что?

– Я хочу сказать... они отправляются в путь и идут, идут...

– Каждый старается чем-то выделиться, чтобы о нем писали в газетах.

– Это хорошо, когда о тебе пишут в газетах?

– Очень. Просыпаешься, разворачиваешь газету и видишь свое имя. Сидишь, смотришь – твое имя... Очень хорошо...

– Сидишь и читаешь свое имя!..

– А еще лучше, – со вздохом произнес сыщик, – когда напечатают и твою фотографию. Смотришь – везде ты, твое лицо, твои глаза. И говоришь себе – это я...

Собеседники замолчали. Каждый погрузился в свои мысли. Неожиданно послышался голос Панцыря:

– Ты, который подсматриваешь в замочную скважину, открой дверь и войди!

– потом сыщик обратился к Лисенку: – Итак, что привело тебя сюда?

– Меня?

– Именно тебя.

– Я пришел... Пойдите, зачем же я пришел?... Ага!.. Я пришел, чтобы вы объяснили мне, что такое мир.

– Мир – это нечто прекрасное, – ответил Панцырь. – Более прекрасного ничего не может быть. Он состоит из воды и суши в следующем соотношении: две трети воды и одна треть суши.

– Слишком много воды, – разочарованно произнес Лисенок. – Неужели его не могли сделать из одной суши?

Панцырь улыбнулся своей загадочной улыбкой, взглянул на собеседника и воскликнул:

– Моря!.. Океаны!.. Горько-соленое чудо планеты!.. Его покрытый глубокими морщинами лоб отразил напряженную работу мысли. Лисенок нетерпеливо ждал.

Но Великий сыщик молчал.

– Почему вы замолчали? – спросил Лисенок. – Вы, взрослые, мучаете нас своим молчанием, особенно когда мы ждем от вас долгих рассказов.

– Это наш испытанный трюк, – буркнул Панцырь. – Заинтриговываем вас. У меня еще нет представления о море. Сам я еще его не видел. Но вычислил, что если река вливается в море, то мне понадобятся девятьсот сорок дней, почти три года, чтобы добраться до него. И еще столько же, чтобы вернуться. Но я могу тебе показать море на фотографиях.

Панцырь вытащил старый журнал и показал своему гостю несколько снимков. Лисенок ахнул – так много воды!..

– Много, – подтвердил Панцырь. Вода, вода: от одного конца света до другого, солено-горькая вода, в которой больше жизни, чем на суше. Там есть корабли, киты, акулы,

моряки, скаты и пять континентов, расположенных по величине: Азия, Америка, Африка, Европа и Австралия.

– Почти все на букву «А», – удивился Лисенок.

– Увы, допущено однообразие, которого уже не поправишь. Только наш континент начинается с буквы «Е»... Ты, который подсматриваешь в замочную скважину, открой дверь и войди!

– Почему вы время от времени повторяете эти слова?

– Профессиональная тайна. Лисенок смотрел на дверь.

– Ты собрался уходить? – поинтересовался Панцырь.

– Почему никто не входит?

– Профессиональная тайна. Хватит задавать вопросы!

– Мне нужно идти, – внезапно произнес Лисенок. – Дома уже беспокоятся. Я уже понял, что такое мир.

Панцырь выбил трубку. На его лице отразилась грусть.

– Ты не понял, – тихо прошептал он. – Не понял и не поймешь до конца своих дней.

Мир, природа, человек, животные – это непрерывная цепь загадок. Ни наука, ни философия, ни искусство не могут разгадать их.

– Мне пора идти, – повторил Лисенок.

– Итак, – продолжил Панцырь, нимало не интересуясь намерениями собеседника. – Как жить? Какой способ избрать?.. Многие мне возразят, но мне кажется, что есть только два способа жизни...

– Только два?.. Но если они уже заняты, то что останется для меня?

– Только два способа, – невозмутимо повторил Великий сыщик. – Только два: первый – жить так, чтобы тебя несло по течению; второй – плыть против течения.

– Ага! – Лисенок явно тяготился затянувшимся разговором. – Я могу уйти? Мне уже все ясно... Наша нора находится далеко от реки, так что меня не интересуют течения.

– Только это я и хотел тебе сказать. Остальное узнаешь сам... Застой или вечное движение – вот в чем вопрос. Лично я приверженник вечного движения.

– Да, но сами движетесь очень мало!

– Потому-то я и сожалею, что родился черепахой. Мы веками живем в застое. Но я говорю тебе о движении духа, мысли.

Лисенок подумал о том, как мало он знал Великого сыщика, как мало его знают другие, и как мало эти другие знают друг друга. Эта мысль на секунду мелькнула в его голове, потому что сейчас, перед побегом, он не мог долго думать ни о чем другом, кроме как об осуществлении своего плана.

– Что касается меня, – произнес Лисенок, – то я обещаю вам двигаться много. Вы даже не представляете себе, как много я буду двигаться и как скоро вы об этом узнаете.

– Все считают, что все давно открыто, – снова начал Великий сыщик. – А по-моему, ничего не открыто и каждый должен все открывать для себя сам. Даже Париж...

– И я так думаю. Я могу идти? Лисенок ожидал нового потока мыслей Панцыря, но вместо этого услышал грустный голос:

– Да.

– Да?

– Да.

– Я могу идти?

– Да.

– Вы меня отпускаете?

– Да.

– Так легко? Молчание.

– Я свободен?

Молчание. Лисенок сам не заметил, как выскочил наружу и оказался вскоре среди широкого поля, далеко от Тихого леса. Он бежал и думал: «И когда я наконец вырасту?.. Надоели мне поучения взрослых. Вечно они норовят поймать тебя и читать тебе нравоучения. И когда я наконец вырасту?»

Потом он перешел на шаг, потому что все чаще вспоминал грустные слова Великого сыщика, и ему стало жаль, что он его не дослушал до конца, вел себя недостаточно учтиво. Стоило бы вернуться и как-то выправить положение. Но ноги сами несли его вперед, и вскоре он забыл и о Панцыре, и о его нравах. Так уж устроены дети – скоро забывают такие вещи, чтобы бежать, или идти своим путем.

Вдруг Лисенок улыбнулся – он разгадал тайну Великого сыщика, который время от времени повторяет, сидя в кресле: «Открой дверь и войди!»

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОКАЗЫВАЕТСЯ, У ОСЛА ЕСТЬ ИМЯ.

Порой даже ослы скучают, даже ослы сердятся, особенно если взойдет солнце и начнет светить прямо в глаза. Тогда осел говорит: и что ты блестяшь именно здесь, у меня перед глазами?.. Знакомый нам по первой части книги осел старался не глядеть на солнце, но порой он говорил себе: ну-ка погляжу опять, чтобы убедиться, не перестало ли оно нахально светить мне в глаза. Но сейчас же опускал голову и от скуки принимался жевать колючки. Итак, стоя друг против друга, осел и солнце обменивались недружелюбными взглядами или фразами.

– Не нравишься ты мне! – кричал Осел. – Зачем ты светишь каждый день?

– Такая у меня работа, – отвечало Солнце.

– Это разве работа: всходить и заходить?.. Только всходишь да заходишь. Ни на что другое ты не способен.

Солнце задумывалось на мгновение над его словами и краснело от стыда. Ему становилось неудобно – и в самом деле, оно только что всходит да заходит, целый день прохлаждается на небе, а внизу все изнемогают от трудной работы.

– Что же делать? – жаловалось оно. – Я ничего не могу изменить. Другое дело вы, ослы – пасетесь, пьете воду... Простите меня...

– Ничего извиняться, исчезай с глаз долой! Тучи словно того и ждали, быстренько повылезли из своих убежищ и закрыли небо. Потемнело, даже пошел дождь.

– Вот теперь хорошо, – обрадовался Осел. – Ничего не слепит глаза, стало прохладно, а неплохо и выкупаться под дождем.

Тучи не рассеивались целых два дня. На третий день Осел растряс свою мокрую спину и сказал:

– Что стало с этим солнцем?.. Где оно?.. Я замерз... Куда оно запропастилось?..

Тогда тучи рассеялись, и показалось Солнце.

– Добрый день! – поздоровалось оно.

– Это ни на что не похоже! – возмутился Осел. – У тебя всего одна обязанность, а ты и ею пренебрегаешь... Куда ты девалось?

– Но ведь вы... вы тогда сказали...

– Ты должно делать свое дело, а не слушать всяких там... Понятно?

– Понятно, – смиренно ответило Солнце. – Теперь я буду делать свое дело.

И оно засияло, как обычно. Осел наконец согрелся. В это время показался Лисенок.

– Здравствуй! – остановил его Осел. – Что делаешь?

– Кто?

– Ты?

– Я?

– А кто же еще?

– Я... да я...

– Знаю. Снова убежал.

– Почему? – у Лисенка задрожал голос. – Разве я похож на беглеца?

– Ты вообще ни на что не похож... В этом возрасте нередко убегают от родителей.

Потому и сказал тебе это.

А вообще-то меня совсем не интересует, убежал ты или нет. Каждый сам решает, что ему делать. Разве кого-нибудь интересует, легко ли мне все время стоять на одном месте и терпеть это противное солнце, которое светит мне прямо в глаза?

– Тогда передвиньтесь.

– Как?

– Повернитесь в другую сторону. Тогда солнце будет светить вам в хвост.

Осел повернулся к солнцу хвостом и облегченно вздохнул:

– Прекрасно!.. Теперь оно пристроилось мне в хвост. Теперь ничего не блестит у меня перед глазами.

– До свидания, – сказал Лисенок. – После полудня солнце снова начнет светить вам в глаза. Не забудьте повернуться в другую сторону.

– Это плохо, – огорчился осел. – Весь день нужно вертеться. А когда я стану пастись?

– До свидания, – повторил Лисенок.

– Пстой! – остановил его Осел. – Ты куда?

– Я гуляю.

– Пстой, поговорим. Я умираю от скуки.

– О чем мы будем говорить?

– О чем угодно, чтобы убить время... Как поживаешь?

– Хорошо.

– Рад за тебя... А уверен, что хорошо?

– Раз говорю...

– Обычно каждый обманывает, что хорошо, а на самом деле ему не так уж и хорошо... Но ты не лгунишка, ты – Лисенок, который всегда говорит правду... Куда ты идешь?

– Просто иду...

– Почему идешь?

– Я?

– Ты.

– Иду и думаю.

– О чем думаешь?

– В голову лезут всякие мысли...

– Послушай, ты ответишь мне наконец, как живешь?.. С тобой невозможно вести светский разговор!.. Давай начнем все снова... Будь внимателен! Я стану задавать тебе вопросы, а ты отвечать. Мечтаю о культурном разговоре.

– Осел сосредоточился и галантно наклонил голову: – Добрый день, как поживаете?

– Спасибо, хорошо, – Лисенок старался вести себя культурно.

– Хорошая погода, не правда ли?

– И в самом деле хорошая.

Лисенок старался не допускать ошибок. Ему очень не хотелось начинать все сначала.

– Такой погоды давно не было.

– Как ваше здоровье?

– Спасибо, не жалуясь. А ваше?

– Тоже не жалуясь... Что делают ваши родители?

– Спасибо, у них все хорошо.

– Почему они не придут как-нибудь ко мне в гости?

– Спасибо, передам им ваше приглашение.

– Надеюсь во вторник они заглянут ко мне на пучок колючек?

– О, отец и мать будут вам признательны!.. Можно считать ваше приглашение вопросом решенным?

– Их визит будет для меня праздником... А вы куда направились?

– Послушай, Осел, на этом месте что я должен делать – врать или говорить правду?

– Это зависит от вашего воспитания. «Соврать или сказать правду?» – недоумевал Лисенок. Но потом решил обойти острый вопрос.

– Вы прекрасно выглядите. Время словно не отражается на вас.

– Я и в самом деле хорошо выгляжу?

– Гораздо лучше, чем во время нашей последней встречи.

– Спасибо. Что нового слышно?

– Ничего. В последнее время в газетах пишут главным образом о путешествиях.

Каждый стремится отправиться в путь – кто на автомобиле, кто на лодке или плоте, кто

пешком...

– Вот как? – удивился Осел. – И мне хочется путешествовать.

– Серьезно? – оживился непоседа.

– Желая нарушить монотонность серых будней и отправиться в путь... Мир полон интересных вещей.

– А знаете, как мне хочется путешествовать? – спросил Лисенок. – У меня есть одна идея!

– Какая?

– Раз другие путешествуют на автомобилях, лодках, плотах, нельзя ли путешествовать на осле?

– На осле? – неопределенно проговорил Осел.

– Вот именно!

– Как же это?

– Очень просто – садись на осла и отправляешься в путь.

– Жалко.

– Почему жалко?

– Ты хочешь сказать, что будешь путешествовать, а меня используешь как средство передвижения?

– Извините... Не хотел вас обидеть! Простите пожалуйста!

– Не за что, – сказал Осел, – но что сказано, то сказано.

– Еще раз прости, Осел. До свидания.

– Постой!

– Что?

– А это интересно, путешествовать на осле?

– Оригинально.

– А как мы будем двигаться?

– Ты будешь идти, а я ехать. Другого способа нет.

– Как у тебя дело с килограммами?

– Я всего лишь маленький лисенок.

– Маленький и очень хитрый.

– Уж какой есть. Нам пора прощаться. Меня ждет дорога.

– Садись!

– Ну да?..

– Да.

– Отправляемся вместе?

– Я должен поклониться?

– Немного.

Осел наклонился. Лисенок вскочил ему на спину, устроился поудобнее.

– Мы совершим великое путешествие! – крикнул он.

– Осел, мы отправляемся?

– Не называй меня ослом, у меня есть имя.

– Ну да?.. Какое?

– Называй меня Мокси.

– Мокси?.. Прекрасное имя!.. Звучит почти как псевдоним... Вперед, Мокси!..

Осел поднял переднюю ногу. Первый шаг был сделан. Путешествие началось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПОТЕРЯННАЯ АВТОРОМ.

В ней описывается начало путешествия и рассказывается, как осел Мокси смиряется с мыслью, что будет только средством передвижения, а Лисенок уверяет его, что он для него – не просто средство передвижения, а верный друг. Думаю, что и в этой главе немало забавных приключений, особенно когда друзья завязли в болоте. Их спасло только общеизвестное ослиное упрямство Мокси, который, сказав, что не станет увязать глубже, не стал увязать глубже. Но автор потерял рукопись этой главы и теперь не может ее восстановить, потому что, написав что-то один раз, нельзя написать то же самое снова. И утерянная глава остается

утерянной.

Остается лишь одно утешение – если живое существо утратит голову или главу, как говорили наши предки, то оно перестает быть живым существом, а книга, даже лишившись одной главы, продолжает оставаться книгой.

Таков краткий пересказ одной главы, уместившийся в нескольких строчках.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ПОДУМАЙ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ, А ПРИНЯВ, НЕ МЕНЯЙ ЕГО.

Мокси спускался по неровному склону, обходил кусты и с удовольствием входил в тень деревьев, где замедлял шаги и явно наслаждался прохладой. Путешественники продвигались медленно – они шли не по дороге, а прямо по горным склонам и тропкам, переходили через потоки и с каждым днем убеждались, что мир еще больше, чем они предполагали. Линия горизонта оставалась все столь же далекой, и это больше всего раздражало осла. Наконец Мокси не выдержал, остановился и спросил:

– Что это?.. Мы еще не обошли земной шар?

– Вряд ли обошли, – ответил Лисенок. – По-моему, земной шар нельзя обойти так быстро.

– Когда наконец закончится наше путешествие?

– Не могу сказать, Мокси. Мы его только начали.

– Жалко, что я в него отправился. Пренебрег покоем. Как хорошо мне было на моей полянке – целыми днями жевал колючки и никто не сидел у меня на спине.

– Тебе тяжело меня везти?

– Нисколько, но как подумаю о том, что кого-то везу, мне становится грустно. И в довершение ко всему ты говоришь, что путешествие еще только началось.

– Увы, любое начало – дело трудное.

– Если ты не перестанешь утверждать, что это только начало, я умру от отчаяния.

– Большие путешествия продолжаются долго. Возьми к примеру Александра Македонского. Он прославился главным образом тем, что преодолел расстояние до Индии и обратно. Правда, многие умерли по дороге, его спутники протянули ноги, но Александр Македонский потому и стал Александром Македонским, за то о нем и пишут книги... Уж не говоря об Одиссее, который странствовал целых двадцать лет.

Эти люди положили начало туристскому движению.

Осел задумался над сказанным, повел левым ухом и спросил с отчаянием в голосе:

– Но почему мы все время идем? У нас есть определенная цель?

– А по-твоему лучше стоять на одном месте?

– Как стоять?

– Как ты стоял, например, на полянке в Тихом лесу.

– Ой, не напоминай мне об этой прекрасной полянке, а не то я заплачу. Я бы с радостью вернулся и ел бы, ел, ел... Послушай, я возвращаюсь. Осел повернул обратно и зашагал к горам, которые они покинули несколько часов назад.

Пораженный Лисенок продолжал сидеть у него на спине. Он не мог придти в себя от возмущения, но чтобы не сказать лишнего и успокоиться, решил применить правило номер один – принялся считать: один, два, три, четыре, пять... Он досчитал до тридцати двух и остановился – он умел считать только до тридцати двух. Осел шагал к горам, но уже не так энергично. Потом остановился. В наступившей тишине стали слышны птичьи голоса и журчание какой-то речушки. Лисенок решил, что наступил подходящий момент и прошептал:

– Как себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Мне кажется, что не больно хорошо.

– Почему ты так решил?.. Раз МНЕ хорошо или плохо, то лишь Я и могу судить об этом, а не ТЫ. И раз Я говорю, что чувствую себя хорошо, то так оно и есть. Как можешь ТЫ судить о том, что происходит во МНЕ?

– Порой, Мокси, и сам не знаешь, что с тобой происходит. Например, недавно ты решил вернуться. Потом решил не возвращаться. Когда кто-то принимает за две минуты два различных решения, значит, ему не больно-то хорошо, значит, что-то не в порядке. Надо думать, прежде чем принять решение, а приняв его – не менять.

– Не говори глупостей. Ты ведь слышал о знаменитом ослином упрямстве – Я поколебался, потому что вспомнил – надо бороться со своими недостатками, такими, как упрямство, например...

– Нет, Мокси, – спокойно возразил Лисенок, – со своим упрямством ты справиться не можешь. Просто тобой овладела страсть к путешествиям.

– Давай поставим на этом точку! Ты можешь сказать, какова цель нашего путешествия? Насколько я помню, и у Александра Македонского и у Одиссея была определенная цель. А какова наша цель?

– Наша цель – увидеть мир. Унизительно родиться и всю жизнь прожить в одном месте, даже если это Тихий лес. Не могу примириться с мыслью, что умру, не увидев моря. Кроме того, там мы встретимся с автором этой книги.

– Ну и что в том? у – Хочу задать ему несколько вопросов.

– Это интересная цель, – согласился осел. – И мне бы хотелось задать ему несколько вопросов.

– Но главное – это двигаться. Сто раз я уже повторил, что страшнее всего – застой. Жизнь без движения бессмысленна... Отправляемся?

– Разумеется, – Мокси нахмурился. – Жалко, что мы вернулись. Теперь придется пройти одно и то же расстояние дважды.

– Ничего, Мокси. Ты извлек полезный урок и не жалеешь...

И они снова пошли на восток. Они шли все время на восток – туда, откуда каждый день всходит солнце. Равнина становилась все обширнее, контуры родных гор – все более расплывчатыми.

К вечеру неожиданно путь им преградила темная река. Они с удивлением обнаружили, что она твердая. Кроме того, эта река никуда не текла. Она вообще не текла. Осел потрогал ее копытом.

– Эта река очень темная и очень твердая, – смущенно заметил он.

– Это не река, – ответил Лисенок.

– А что же тогда?

– Большая асфальтированная дорога.

– А ты откуда знаешь?

– В орлином гнезде мне читали кое-что из энциклопедии... Если мы отправимся по этой дороге, она приведет нас к берегу моря.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. АСФАЛЬТ.

Каменный век, бронзовый век, век, в который была создана первая машина

– таковы вехи развития человечества. Сегодня люди живут в асфальтовом веке

– своем новейшем веке. Некогда камень был нужен человеку, чтобы убивать. Бронза тоже убивала, но служила человеку и для других целей – для изготовления сосудов. Пар позволил человеку передвигаться быстрее. А с появлением асфальта появились и роликовые коньки. Представьте себе, каким было бы детство без заасфальтированных площадок и роликовых коньков! Обеспечив достаточное количество заасфальтированных площадок для детей, человек оставшийся асфальт использовал для дорог. За короткое время все дороги оказались покрытыми толстым темным слоем асфальта. С тряской было покончено. Чтобы полнее использовать гладкие дороги, люди принялись покупать автомобили. И вскоре на дорогах началось истинное столпотворение!

Позднее человек стал не только ездить по асфальту, но и жить на нем.

Он стал прицеплять к автомобилям подвижные домики-прицепы. В них есть спальное помещение, кухня с холодильником, даже душ.

Не говоря уже о цирковых артистах, перевозящих даже зверей. Они месяцами живут на колесах.

Таким образом человек стал незаметно походить на черепаху: куда ни отправится, повсюду тащит и свой дом, а на дорогах словно появились тысячи передвижных цирков.

Вместо аромата трав и цветов над дорогами теперь витает сладковатый запах асфальта.

Асфальт оказался мягким и нежным, удобным только для резиновых колес. Он не выдерживает танков и орудий. Танкам и орудиям уже запрещено передвигаться по асфальту, и вполне возможно, что их выбросят и с полей, где они мнут посевы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ВЛАСТЕЛИН МИРА.

По асфальту было очень удобно передвигаться. Ничего не надо было обходить, не было опасности где-нибудь увязнуть, не обо что было спотыкаться – просто идешь и размышляешь, даже можно спать на ходу – дорога сама ведет тебя, определяет направление, подсказывает, где надо остановиться. Лисенок сидел на спине у Мокси и зевал. Его клонило в сон, но он старался не дремать, чтобы не обидеть осла, который давно спал, но продолжал шагать и лишь время от времени раскрывал один глаз.

Неожиданно их нагнал большой ревуший зверь. Мокси проснулся и повернул голову.

Лисенок весь дрожал. Не успели друзья придти в себя, как ревуший зверь промчался мимо них и исчез за поворотом.

– Испугался? – осведомился седок.

– Это ты испугался, – ответил осел.

– Нет, – возразил Лисенок, – ты испугался и дрожишь.

– Мы оба дрожим, – сказал Мокси.

– Что это было? – поинтересовался Лисенок.

– И я хотел задать тебе этот вопрос. Это был какой-то огромный ревуший зверь.

– Очень огромный и очень ревуший, – подтвердил Лисенок. – Он даже больше, чем ты думаешь.

– Точно так я о нем и думаю... Вернемся?

– Не верю, что ты себе таким его и представлял.

– Насколько помню, я предложил вернуться.

– А мне кажется, что ты уже повернул обратно.

– Извини, но я ничего подобного себе не мог позволить до того, как мы вместе решим этот вопрос.

Осел невольно дал задний ход и, не оборачиваясь, бодро пятился назад.

– Решай! Возвращаемся или нет?

– Надо подумать. – ответил дрожащий Лисенок. – Сначала надо подумать, а потом решать. Только боюсь, что пока я решу, ты при таком темпе вернешь меня в Тихий лес.

– Тогда думай быстрее.

– Не могу дрожать и думать.

– Попытайся не дрожать, а думать.

– Мне легче дрожать, не думая... Ты знаешь, как быстро мы движемся назад?

– Нет.

– Ты не мог бы остановиться?

– Не могу. Я движусь, сам того не желая. Наверно, потому что дрожу. Чувствуешь, как я дрожу?

– Нет. Чувствую, что я дрожу, а ты пятишься назад.

– Скажи, что же делать?

Второй ревуший зверь оказался больше первого, и ревел он громче. Да, он был раз в десять больше первого, и дорога дрожала под ним. Мокси, сам того не желая, вдруг помчался вперед, впервые продемонстрировав, на что способны осла.

Некоторое время зверь бежал в хвосте у Мокси, и Лисенок сам не заметил, как оказался на шее осла. Он сидел, вцепившись ему в уши. Мокси решил, что его поймали и заревел. Потом заревел зверь.

Чудовище выбросило облако дыма и промчалось мимо. Взволнованный Мокси принялся брыкаться, и Лисенок скатился в кювет. Осел остановился возле него. У него подкашивались ноги. Не глядя на друга, так как его взгляд был прикован к исчезающему зверю, он спросил:

– Не пора ли уже принять решение?

Лисенок молчал. Ему хотелось крикнуть: «Немедленно бежим отсюда! Нас здесь съедят!»

– но он понимал, что спешка – плохой советчик.

– Принял решение? – крикнул снова Мокси срывающимся голосом. Почувствовав, что силы оставляют его, он лег рядом с другом. Они долго лежали рядом. Пока они успокаивались, их сердца вели интересный разговор:

– Тик-тик-чик! – сказала сердечко Лисенка.

– Так-так! – ответило сердце Мокси.

– Чик-тик-чик, чик-чик? – спросило сердечко Лисенка.

– Так-тук-так, тук-тук! – ответило сердце осла.

– Тик! – не согласилось сердечко Лисенка.

– Так-так, тук-тук-так! – настаивало сердце Мокси. Но потом сердца стали биться спокойнее и сказали много хороших вещей, как это всегда бывает между сердцами.

Потому что губы людей и животных говорят одно, а сердца – другое. Послушаем теперь, что сказали губы наших героев.

Наконец они пришли в себя. Теперь они дышали спокойнее и удивлялись, что заходящее солнце продолжает излучать свет. Деревья блестели изумрудным блеском, травы нежно дышали, оранжевые скалы грели свои мощные плечи, дул легкий ветерок, со стороны невидимой реки тянуло прохладой и свежестью.

– Ты развил большую скорость, – заметил Лисенок.

– Сам не знаю, как это получилось, – ответил осел.

– Мне даже показалось, что мы летим.

– Что теперь будем делать?

– Надо поскорее вернуться! – воскликнул Лисенок.

– Вот это другой разговор, – обрадовался Мокси. – Но нужно идти по асфальту, чтобы не сбиться с дороги... Послушай, как ты думаешь, что это были за звери?

– Не знаю, но это были настоящие чудовища.

– Ага!

– Мокси, а, может, это автомобили?

– Я никогда не видел автомобилей.

– А такое вон существо ты видел? – Лисенок кивнул головой по направлению к дороге.

Осел посмотрел туда, куда ему показывал друг.

– Видел, – ответил он.

– Что?

– Говорю, что видел.

– А почему не говоришь, кто это?

– Потому что ты не спрашивал меня, кто это, а спросил, видел ли я такое существо. Я должен отвечать только на те вопросы, которые мне задают. А не то получается путаница, так можно и в болтуна превратиться. Многие животные и люди, стоит им задать вопрос, отвечают сразу на несколько вопросов и получается невесть что. Кроме того, есть и такие, кто задают слишком много вопросов и тем самым надоедают другим...

– Я спрашиваю тебя, кто это?

– Кто, вон тот, что приближается?

– Да!

– Который уже совсем близко?

– Да, да, да!

– А, это человек. Лисенок насторожился.

– Кто?

– Человек.

– А?

– Это и есть властелин мира, о котором ты столько слышал.

– Ну да?

– Да.

– Что – да?

– Я говорю тебе – да.

– Почему – да?

- Отвечаю на твой вопрос.
- О чем я тебя спрашивал?
- Будет ли сегодня хорошая погода!
- Я тебя спрашивал не об этом.
- А о чем?
- Я спрашивал тебя, правда ли, что это человек.
- И получил ответ.
- Что же ты тогда морочишь мне голову с погодой?
- Иронизирую.
- А мы ведь отправились в путь не для того, чтобы иронизировать, верно?
- Верно, но ты хитришь.
- Как?

– Сначала ты испугался и удивился, что это человек, потому что представлял себе его иным, потом сделал вид, что это тебя не удивляет. Пусть я осел, но я тоже животное, поэтому нечего разыгрывать меня.

– Послушай, Мокси, ты прав. Я и в самом деле хитрый лисенок, который не хочет выглядеть наивным трусишкой... Прости. Обещаю больше не хитрить по мелочам...

Значит, это человек?

– Да.

– Я несколько разочарован.

– Почему?

– Мне кажется, что ему чего-то не хватает. Он слишком маленький, движется медленно, как и мы, у него не хватает двух ног... Нет, Мокси, я разочарован. Те чудовища могут его запросто раздавить. Я так много слышал о нем, а что вижу?..

Неужели и мой автор похож на него?

– Наверно. Они все похожи друг на друга... Все одного типа, как и мы.

А тот, о ком шла речь, был уже совсем близко. Он неторопливо шел, сгибаясь под тяжестью рюкзака. Но в выражении его лица сквозило что-то бодрое и веселое.

Похоже, усталость не отражалась на его настроении. Человек остановился возле них, положил на землю рюкзак и сел на траву. Его рюкзак походил на гору.

Позвольте мне описать его поподробнее. Наверно вы видели такие рюкзаки

– длинные, большие. Взвалишь на плечи такой рюкзак – он обвиснет аж до колен. Зато в него можно засунуть все, что захочешь. В рюкзак незнакомца вместились: небольшая палатка, спальный мешок, кастрюля, тарелка, ложка, вилка, нож, чашка, белье, свитер, плавки, бритвенные принадлежности (хотя этот человек был с бородой), четыре книги, авторучка, паспорт с визами, карта мира, деньги /немного/, сигареты, спички, куртка, примус, носовой платок, полотенце, фотография миловидной девушки и еще масса всяких мелочей.

– И вы путешествуете? – осведомился человек, закурив.

– Да, – ответил Лисенок.

– Посредством автостопа?

– Нет. По методу – один везет другого.

– Хорошо, – произнес человек.

На него не произвело особого впечатления то, что один везет другого – чего он только не повидал за время своего путешествия. Он с удовольствием курил, отдыхал и оглядывался назад.

– Вы откуда? – спросил Лисенок, чтобы продолжить разговор.

– Из Голландии.

– Вы живой голландец, да?

– Я из страны, где много ветряных мельниц и тюльпанов, – пояснил человек.

– Знаю, – поспешил солгать Лисенок. – Там все люди голландцы, да? Там ветряные мельницы, тюльпаны и голландцы, да?

– Да. Вы там были?

– Нет, – Лисенок решил сказать правду, чтобы не запутаться. – Я читал о вашей стране в энциклопедии, – все же солгал он, потому что не он читал, а ему читали.

Голландец посмотрел на него, но не улыбнулся, потому что люди его страны редко

улыбаются. Он и не удивился, потому что человека, предпринявшего кругосветное путешествие, трудно удивить. Увидев Эйфелеву башню, например, он говорит – значит, это и есть Эйфелева башня: оказавшись у Ниагарского водопада, он бросает – ага, Ниагара... Этот голландский путешественник многое повидал, поэтому его почти не удивило, что он сидит и ведет разговор с лисенком и ослом.

– Послушайте, – снова начал Лисенок. – Что значит путешествовать посредством автостопа?

– Это значит передвигаться на автомобилях других людей, которых ты не знаешь, – объяснил голландец. – Ты его никогда не видел, даже не слышал о нем, но стоит тебе поднять руку, как автомобиль останавливается и берет тебя... Вот так!

Голландец встал и поднял руку, но автомобиль промчался мимо. Внутри находился только один человек.

– Почему так получилось? – спросил осел.

– Некоторые не останавливаются.

– Почему?

– Есть разные люди.

– Как разные?

– На вид они все одинаковые – с руками, ногами, но они различаются по характеру.

– Как и животные, – со вздохом заметил осел. Голландец слегка улыбнулся и сказал:

– Ты прав... Куда вы направляетесь?

– К морю, – объяснил Лисенок. – Значит, зверь оказался автомобилем?

– Нет, в автомобиле сидел зверь... Так вы к морю, да?

Голландец вынул большой лист бумаги и расстелил его на траве. Внимательно посмотрев на лист, он сообщил:

– До моря еще двести десять километров.

– Только двести десять? – спросил Лисенок, хотя ему не все было ясно.

– Почему только? Это немало... – Путешественник задумался. – Если вы продолжите идти, как шли, то преодолеете это расстояние за пять дней. На шестой увидите море.

– А на что это вы смотрели, когда определяли, сколько километров и дней нам еще осталось до моря? – поинтересовался осел.

– На карту. Это подробная карта Болгарии. Вы покрываете за день сорок километров... Да, на шестой день вы увидите Черное море.

Он вскочил и поднял руку. Проезжавший мимо автомобиль остановился. Голландец попрощался со своими новыми знакомыми, пожелал им доброго пути и сел в машину.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЧУДЕСНЫЙ ХОЛМ.

Мокси спокойно шагал по асфальту. Теперь другие средства передвижения не смущали его. В жару они отдыхали в тени, а когда становилось прохладнее, шли. Шли, чтобы увидеть нечто, называемое МОРЕМ. И во время всего путешествия осел без конца протестовал.

Обычно он с негодованием задавал следующие вопросы:

1. Зачем они вообще отправились в путь?

2. Не лучше ли вернуться?

3. Как мог я, взрослый и рассудительный Мокси, дать себя уговорить какому-то четырехмесячному лисенку?

4. Когда наконец кончится эта дорога?

Но тем не менее Мокси все же шел вперед, потому что Лисенок неизменно отвечал ему следующее:

1. Раз избрав цель, надо ее достичь.

2. Вернуться никогда не поздно.

3. Незнание всегда впереди, а то, что впереди, всегда зовет. То, что осталось позади, не зовет никогда. Если бы ТЕ вернулись, не были бы открыты ни Северный полюс, ни Южный, ни Магелланов пролив, ни Америка, может, и Тихого леса не было бы...

4. Не останавливайся! Двигайся, даже если вынужден стоять на одном месте!

– Этого я не понимаю, – удивлялся осел. – Как можно стоять на одном месте и в то же время идти?

– Ты должен мысленно идти, – отвечал Лисенок. – Мысли должны находиться все время в движении.

– Вот как? Тогда мои мысли очень подвижны. Они не просто движутся, а прямо-таки скачут, потому что я постоянно думаю о своих любимых колючках. Мои мысли скачут с колючки на колючку, а потом заталкивают колючки мне в рот.

– Это мысли другого рода, но все же это движение, – согласился Лисенок.

– Да, но я остаюсь голодным. Потому что ни человека, ни осла не могут накормить мысли. Все мои мысленные колючки не содержат никаких питательных веществ.

– Потому что они существуют лишь в воображении, – подтвердил Лисенок. – Таким образом колючки становятся плодом, плодом твоего воображения...

– Говори, что хочешь, но я хочу вернуться.

– Хорошо. Поворачивай назад!

– Да, но нам осталось идти не так уж много. А мне хочется, чтобы наше путешествие кончилось как можно быстрее.

– Что же делать?

– Пойдем вперед.

Так заканчивались споры. Лисенок сидел на спине у Мокси и думал о море. Он вспоминал слова Великого сыщика о море, но они ничего ему не говорили. И он решил попытаться представить себе то, о чем ему говорил Панцырь. Или хотя бы попытаться представить. И вот он представил себе поток. Потом еще один поток рядом. К этим двум потокам присоединил еще один поток. Потом еще один, и еще, и еще – пока потоков не стало тридцать два. Лисенок ведь мог считать только до тридцати двух. Значит, – заключил Лисенок, – море так велико, как тридцать два потока. Потом решил, что тридцать два потока

– это очень много и мысленно отнял три потока, а так как в счете был не очень силен, то установил, что море равняется двадцати восьми потокам.

К концу десятого дня путешествия туристы свернули с дороги.

Ночь застала их у подножия холма.

– Давай пройдем еще немного, – предложил Лисенок.

– На сегодня хватит! Больше ни шагу! – заявил Мокси. – Достаточно мы шли, а моря все нет... По-моему, моря вообще не существует.

– Как не существует?

– Его просто выдумали. Люди чего только не выдумали. Вообразят себе невесту что, заварят кашу, а ты расхлебывай... Да и как может на одном месте поместиться столько воды? Кто соберет столько воды? Да и не будет же эта вода дожидаться нас... Она, наверно, давно испарилась или еще что случилось... Оно должно было быть на этом месте, а тут, как видишь, один голый холм, по которому гуляет ветер... Кроме того...

– Что?

– Я слышу какой-то подозрительный шум. Какой-то зверь воет. Громче ста автомобилей.

– Да, и я слышу. Что бы это могло означать?

– Мне кажется, что за этим холмом – что-то страшное. Давай лучше вернемся.

– Опять начинаешь?

– Но ты же сам слышишь шум!

– К нему я и прислушиваюсь. Станный он какой-то. Что-то мы там увидим?

– Ничего не желаю видеть!

– Мокси, давай спать, а завтра решим, что делать. Может, на этот раз и вернемся, не могу выносить этого шума.

– Не желаю спать! Бежим!

– Бежим!

– Так ты согласен бежать?

– Да!

– Мы остаемся!

– Почему?

– Потому что ты без конца командуешь... Давай спать. Утро вечера мудренее.

– Мне страшно.

– И мне страшно, но мое упрямство сильнее страха.

Лисенок улыбнулся и растянулся на траве. Мокси устроился рядом с ним. Оба сжались, прислушиваясь к страшному реву чудовища.

– Оно за холмом, – прошептал Лисенок. Чудовищу, очевидно, было не до них. Обычно чудовища заняты другими вещами, и только если попадешься им на глаза... Лисенок не мог заснуть. И почему чудовище непрерывно ревет? Ведь чудовище должно хоть на немного замолчать, чтобы перевести дух. Нельзя так реветь...

– Мокси, – снова прошептал Лисенок.

– Что?

– Иди посмотри, что там!..

– Что за шутки? Иди сам!

– Я всего лишь маленький, беспомощный...

– Вот когда ты стал маленьким и беспомощным.

– Спокойной ночи!

Ветер нежно шевелил траву на холме. По небу ползли медведи, раки, собаки – крутились созвездия. По Млечному пути плыли спутники. Все было прекрасно, только вот это чудовище...

– Мокси!

– Что?

– Слышишь?

– По правде сказать, только это и слышу.

– Мокси, почему и ты не заревешь?

– Ч-что?

– Докажи, что и мы можем... Прореви несколько раз... Что он без конца на нас ревет. И мы реветь можем!

– Ничего не получится.

– Почему?

– По двум причинам. Во-первых, я не уверен, что могу реветь громче. Во-вторых...

Постой, что же было во-вторых?

– Вспомни.

– Во-вторых, не уверен, что могу бегать быстрее его. И в-третьих...

– Нет никакого в-третьих...

– Есть, притом это самое важное. В-третьих, хоть убей меня, не стану реветь.

– Тогда не будем реветь.

Несмотря на страхи, друзья вскоре заснули и сладко спали до утра. Лисенку снилось, что он читает Шекспира на английском языке, а Мокси всю ночь грыз огромную колючку, которая все не кончалась. Пробудившись, он грустно посмотрел вокруг. Все было лилового цвета, холм тонул в сочной оранжевой дымке – округлый, достойный восхищения холм, с которого стекала заря.

Лисенок тоже открыл глаза и первым делом прислушался. Чудовище больше не ревел.

Пели птицы. Над холмом висело красное солнце.

– Пошли, – предложил он, вскакивая.

– Одну минутку, – произнес осел и замолчал.

– Что с тобой? – встревожился Лисенок.

– Думаю.

– Что тебя волнует?

– Не понимаю, почему люди не любят ходить по колючкам. Плохо ли ходить по колючкам?

– Теперь мы можем идти?

– Увы! – вздохнул Мокси. – Я пойду своим скорбным путем, на котором нет ни одной звездочки, ни одной радости.

Осел снова остановился, принялся.

– Знаешь что? – сказал он.

– Что?

– Мне кажется, что пахнет чертополохом.

– Мираж! – с горечью воскликнул Лисенок. – Обыкновенный мираж... Пошли за холм.

– Знаю, что мираж, – согласился Мокси. – Мне вечно попадаются несъедобные вещи.

Лисенок вскочил ему на спину, и они стали подниматься по склону. Солнце поднялось еще немного. И вдруг оба ахнули... Весь холм – округлый, обширный, прекрасный, был покрыт колючками. Огромными, сочными, аппетитными, со свежими крупными цветами, источающими сладковатый аромат. Даже Лисенку захотелось есть.

Мокси остановился и заревел от восторга. Еда была налицо, оставалось только наклониться и начать жевать.

– Жестокий мираж! – вскричал осел. – Скажи, кому я сделал зло, за что мне такое наказание?

– Может быть...

– Я никого не обидел...

– Может быть...

– Ни над кем не насмеялся...

– Но, может быть...

– Что может быть?

– Может быть, это не мираж.

– Оставь, браток!.. Действительность не может быть столь прекрасной!

– Все же попробуй!

– Не смейся надо мной!

– Ешь, тебе говорят!

Мокси наклонился. Сочные стебли чертополоха захрустели у него на зубах. Он замахал хвостом и счастливо улыбнулся.

Лисенок понял, что сегодня ему не удастся вытащить отсюда своего друга. Он соскочил на землю. Осел не обращал на него ни малейшего внимания. Лисенок огляделся и стал подниматься на вершину холма. Ему не терпелось узнать, что же находится за ним.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. РАЗНЫЕ ЖИВОТНЫЕ – РАЗНЫЕ ИДЕАЛЫ.

Вы, конечно, давно догадались, что за чудесным холмом простиралось море. Лисенок увидел его сверху и издал длинное восторженное восклицание, достойное открывшейся картины. Море еще спало, тихое, как котенок. Вы, наверно, знаете, каким тихим и искрящимся может быть море? Смотришь на него, смотришь и невольно воскликнешь: «Какая же это красота! Все в нем радуется глаз, все в нем исполнено гармонии, оно словно создано для того, чтобы украшать мир!»

Нечто в этом роде говорил себе и Лисенок. Но потом добавил: «И в самом деле много воды, больше чем в двадцати восьми потоках».

Он пошел сообщить Мокси, что они достигли цели путешествия. Осторожно подойдя к нему, он начал:

– Мокси, можешь представить, ты вот тут ешь, жуешь свой любимый чертополох...

Мокси, подними голову и послушай, что я тебе скажу!.. Я тебе говорю-Хочу спросить тебя, можешь себе представить, что наконец... Ты так долго спрашивал, когда же наконец... Слышишь, Мокси?.. Я хочу сказать, что наше путешествие наконец окончено... Цель достигнута!.. Нам не нужно идти дальше, потому что...

Догадываешься, почему?.. Море, море перед нами, Мокси! Черное море!.. Я ожидал, что увижу довольно черное море или хотя бы частично черное, а оно оказалось голубым, и мы возле него... Слышишь?.. Мокси, подними голову! Осел поднял голову и осведомился:

– Ты оставишь меня наконец в покое?

– Но ведь...

– Насколько...

– Но...

– Насколько я понял, мы дошли до моря!... Рад за тебя. Поздравляю.

– Мокси...

– Но ты должен знать, что если бы мы и не дошли до него, я дальше не пошел бы.

Этот чудесный холм – мой осуществленный идеал. Всю жизнь я мечтал о таком холме, о таком чертополохе, этот холм даже превзошел мои ожидания... Здесь я могу жевать и реветь... Мой путь окончен. Я остаюсь здесь. И если ты когда-нибудь захочешь увидеть меня снова, ты найдешь меня здесь. Понял?

– Неужели ты даже не взглянешь на море?

– Нет.

– Но ведь мы отправились к морю, потому что оба мечтали о нем?

– Я тебе уже сказал – захочешь увидеть своего верного друга, найдешь его на этом чудесном холме... Мне больше нечего сказать. У тебя есть вопросы?

– Нет... Но все же... я удивлен.

– Удивлен? Чем?

– Удивлен, что у тебя такие низменные идеалы. Разве это идеал – наесться?

– Что значит наесться? Я не собираюсь только наесться... Я стану есть непрерывно. И утром, и в обед, и вечером. Даже во сне. Я буду есть все время.

– Я разочарован, Мокси. Это не идеал.

– Не забывай, что я осел. У каждого животного свои идеалы. Я осел и не могу стать конем. Не сердись, давай расстанемся друзьями. Моя цель – этот чудесный холм, твоя – море. Ступай к морю, порезвись там, найди своего автора, побеседуй с ним. Что касается возвращения, то я доведу тебя до Тихого леса и снова сюда вернусь. Здесь я и умру, понял?

– Почти. Постараюсь тебя понять... Чао! Лисенок стал удаляться, пятясь задом и не отрывая взгляда от своего друга, но тот не смотрел в его сторону. Осел слишком долго разговаривал с ним и теперь наверстывал упущенное, уминая колючки за обе щеки. Тогда Лисенок повернулся лицом к вершине холма. Поднявшись наверх, он снова посмотрел на море. Сейчас оно было другого цвета. Спускаясь к морю, холм распадался на большие и маленькие скалы. Они врезались в воду и образовали несколько заливчиков и два песчаных пляжа. Лисенок спустился вниз и ступил на песок. Его внимание привлекла табличка с какой-то надписью. Он остановился возле нее. Что на ней написано? Наверно, что-то важное. Кто это написал? Лисенок в сотый раз позавидовал тем, кто умеют читать. Что он мог сделать? Он повертелся около таблички, обошел ее, понюхал, даже лизнул...

– Эй! – крикнул Лисенок. И так как ему никто не ответил, снова крикнул:

– Ээй!

– В чем дело? – слышалось откуда-то.

– Ни в чем, я просто так, – испуганно ответил Лисенок и вскарабкался на скалу.

Он осмотрелся, прислушался. Прозрачная вода плескалась между камнями. Сквозь нее были видны песчинки на дне.

– Ээээй! – в третий раз крикнул Лисенок.

– Чтоооо?

Лисенок забрался еще выше, чтобы можно было в случае опасности убежать.

– Ээээээй! – крикнул он в четвертый раз.

– Что-нибудь случилось?

– Нет. Просто я люблю кричать.

– А кто ты?

– А ты кто?

– Я – Знаменитый Ленивый Краб.

– А почему я тебя не вижу?

– Спустишь и увидишь.

– А почему ТЫ не поднимешься ко мне?

– Потому что я ленивый и к тому же хорошо тебя вижу.

– А как мне тебя увидеть?

– Спустишь к воде.

Лисенок спустился пониже и оглядел полоску песка.

- Я между камнями, – подсказал Знаменитый Ленивый Краб.
 - Вижу! Значит, вы и есть Знаменитый Ленивый Краб?
 - Да. А ты кто?
 - Я Лисенок.
 - Только Лисенок?
 - А... Нет... Меня называют еще Прославленным Лисенком.
 - Не слышал. Чем ты прославился?
 - Слишком долго рассказывать.
 - Тогда не начинай. В последнее время я очень занят. Просто не знаю, где найти свободное время. Ты не слышал, чтобы кто-нибудь предлагал его?
 - Нет. Мне оно тоже нужно. Будь у меня побольше свободного времени, я бы прочитал, что написано на табличке.
 - Ничего интересного. Прочитать тебе надпись?
 - Можно.
- Знаменитый Ленивый Краб выбрался на сухую часть камня и произнес:
- Это визитная карточка моря... Смотри, что на ней написано.
 - Мне некогда смотреть.
 - А слушать есть время?
 - На это у меня время всегда найдется.
 - Здесь написано:

ЧЕРНОЕ МОРЕ Одно из самых пресноводных в мире. Приятно для купания. Не щиплет глаза. В нем не водятся акулы-людоеды Меридианы ь28-42 Параллели ь40-46 – Теперь понял, что написано на табличке? Лисенок ничего не ответил. Он думал о том, что если идеал Мокси величиной с холм, то его идеал по крайней мере в тридцать два раза шире.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗНАМЕНИТЫЙ ЛЕНИВЫЙ КРАБ, СТАВРИДА, СЕРЕБРЯНАЯ КЕФАЛЬ И ТОСКА.

У Знаменитого Ленивого Краба было восемь ног и две огромные клешни, между которыми торчали длинные усы, при этом левый ус был на три сантиметра короче правого. Знаменитый Ленивый Краб любил рассказывать историю о героической битве, во время которой он потерял часть своей левой антенны. Но злые языки поговаривали, что все дело в его чрезмерном любопытстве и привычке совать свои усы, куда не надо. Морские обитатели рассказывали друг другу шепотом, что однажды краб засунул свой ус в раскрытую раковину, чтобы проверить нет ли там жемчужины, а раковина захлопнулась. Рассказывают также, что жемчужница до сих пор показывает трехсантиметровый обрубок уса, который она хранит, как память...

С какой стороны ни посмотришь на него, Знаменитый Ленивый Краб представлял собой путаницу ног, клешней и усов, среди которых трудно было рассмотреть самого краба. Но если присмотреться внимательнее, можно было обнаружить его необычное тело и выпуклые глаза. Лисенок присмотрелся и начал понимать, где сам краб, а где его конечности. Но никак не мог его запомнить. Закрывая глаза, он видел перед собой только огромные клешни, словно они были самыми главными в крабе.

– Я вижу в тебе один хвост, – заявил Знаменитый Ленивый Краб. – Чем дольше на тебя смотрю, тем большее впечатление производит на меня твой хвост. И только...

Лисенок поджал хвост и сказал:

- А я вижу одни клешни.
- Это меня радует. У нас, крабов, мерилом благородства является величина клешней.
- А у нас, лисиц, – хвосты.
- Интересно, – удивился Знаменитый Ленивый Краб. – И у морских лисиц длинные хвосты.

– О!.. Разве есть и морские лисицы? – поразился маленький путешественник. – Лисицы, которые живут в воде?

– В море есть все, что есть и на суше: морские лисицы, морские кони, морские собаки, морские волки, морские котики, морские иглы, морские ястребы, морские голуби, морские ласточки, морские свинки, морские львы и так далее. Даже морские блохи.

– Извините, – заинтересовался Лисенок – а морские ослы у вас есть?

– Нет.

– Вы мне покажете как-нибудь морскую лисицу?

– Возможно... Ты умеешь плавать?

– Умею.

– Войди в воду.

– Где?

– Вот здесь.

– Сейчас?

– Сейчас.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Ннннепременно?

– Да.

– А эттто ннннеобходимо?

– Разумеется.

– Ппочему ннннеобходимо?

– Ты можешь понять, что должен сейчас же войти в воду?

– Могу.

– Почему неходишь?

– Я сухоземное животное... Хотите, расскажу вам сказку об орехе, который упал на камень?

– Видишь ли, малыш, это Я тот, кто рассказывает сказки, а не ты. Кроме того, всем известно, что я твердоголовый.

То, что Знаменитый Ленивый Краб твердоголовый, Лисенок понял через четыре часа, когда краб все же загнал его в воду и принялся учить плавать. Ставрида, которая с интересом наблюдала за ними, улыбалась во весь рот. Проплывая мимо нее, запыхавшийся Лисенок осведомился, чему она все время улыбается.

– Мне смешно, потому что Знаменитый Ленивый Краб сам не умеет плавать, он только ползает по дну. Но это не мешает ему учить других.

– А как вы оцениваете мое умение плавать? – поинтересовался Лисенок.

– Вы неплохо плаваете, но делаете ошибки. Держите голову над водой, например.

Эту ошибку допускают все дети, когда учатся плавать.

– Вы хотите, чтобы я опустил ее в воду?

– Когда вдыхаете воздух, поднимайте ее, а выдох делайте под водой.

– Так и в самом деле лучше, – согласился Лисенок, поплавав несколько минут с опущенной в воду головой. – Теперь мне легче плавать.

– Опустите под воду и хвост!.. Нырните!.. Хорошо!.. Не закрывайте глаза под водой! Нет ничего прекраснее морского дна.

Внизу покачивались водоросли. Между ними шмыгали рыбки. Сотни маленьких крабов ползали по песку, а в зеленых зарослях плавно поводила хвостом крупная рыба.

– Добрый день! – поздоровался с ней Лисенок.

– Здравствуй. Ты кто?

– Лисенок.

– Молодец, Лисенок.

– А вы кто?

– Серебряная кефаль.

– Мне пора на поверхность... У меня кончается воздух.

– Ладно, – улыбнулась кефаль. – Мы еще увидимся, правда?

Лисенок не смог ей ответить. Он быстро вынырнул и глотнул воздух. Ему было приятно и радостно. Он поплыл к берегу, где его ждал его учитель плавания.

Выбравшись на песок, он с удовольствием растянулся и почувствовал тепло песчинок. Он сжал веки – солнце светило ему прямо в глаза, и у него перед глазами пошли радужные круги. От его шерсти шел пар. Лисенок повернул голову к Знаменитому Ленивому Крабу и с

благодарностью посмотрел на него. Потом устремил взгляд на горизонт. Дул легкий бриз, вода трепетала, волны набегали на берег.

– Как прекрасна жизнь! Я даже не ожидал, что она так прекрасна!.. – воскликнул Лисенок. – А ведь я мог прожить всю жизнь в Тихом лесу и не увидеть ничего этого!..

Лисенок вспомнил о Медведе, папе Лисе и других обитателях Тихого леса, которые ничего не увидят в жизни, кроме своих мест. И ему стало грустно, даже очень грустно. Но потом ему стало еще грустнее, потому что он подумал о Мокси. Тот, верно, продолжает поедать свой любимый чертополох в трехстах метрах отсюда.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. А ВОТ И ЮНОША С БЛЕДНЫМ ЛИЦОМ.

Маленький путешественник провел ночь на берегу моря – устроился среди скал, на сухих водорослях. К вечеру море снова зашумело. То был тот самый шум, который так испугал путешественников прошлой ночью. Неожиданно Лисенок обнаружил, что волны добегают почти до его постели. Он вскочил и побежал прочь, но вскоре вернулся. Волны останавливались сантиметрах в десяти от него и поворачивали назад. К утру море притихло. Знаменитый Ленивый Краб подполз к Лисенку и стал бубнить ему в ухо:

– Проснись, проснись, проснись!

Когда краб произнес слово «проснись» в восемьдесят тысяч первый раз, Лисенок проснулся, потянулся и с улыбкой поздоровался:

– С добрым утром, Знаменитый Ленивый Краб!

– С добрым утром!.. Вставай, потому что мне скучно.

– Что станем делать сегодня?

– Что захочешь.

– Ты делай, что захочешь, а я продолжу свой путь.

– А куда ты пойдешь?

– Искать своего автора.

– Желаю тебе его найти. На всякий случай хочу тебя предупредить – если окажешься в воде, остерегайся Синей акулы.

– А кто это?

– Это единственная кровожадная акула в нашем море. Никто не знает, как она сюда попала.

– И что она делает?

– Каждый день кого-нибудь поедает.

– Берегитесь сами, я сухоземное животное.

– Куда ты пойдешь?

– Все время на юг... Мой автор живет на берегу.

– Зачем он тебе понадобился?

– Хочу задать ему несколько вопросов. Выпуклые глаза Знаменитого Ленивого Краба глядели грустно. Лисенку даже показалось, что в них стоят слезы. Но он все же попрощался с ним и пустился в путь. И вдруг услышал:

Ла-ла-ла, ла-ла-ла. Ла-ла-ла, ла-ла-ла.

Что это? Кто это? Да это юноша!

– Добрый день! – поздоровался Лисенок. – Вы кто?

– Добрый день! Я Юноша с бледным лицом, – ответил незнакомец. В его взгляде не было ничего веселого или юного.

– Это ваш автомобиль? – спросил Лисенок.

– Да.

– И палатка?

– И палатка тоже.

– А что это за музыка?

– В палатке включен магнитофон.

– Вы здесь живете?

– Нет, я француз.

– А это плохо – быть французом?

Юноша с бледным лицом наконец улыбнулся.

– Нет, почему же плохо?

– Просто спрашиваю... Говорят, что плохо, когда ты грустен, вот я и спросил, случайно не плохо ли быть французом.

– Ты забавный лисенок. – Юноша с бледным лицом снова улыбнулся. – И очень хитрый.

– Вы первый, кто мне это говорит. Кроме того вы самый грустный из всех французов, которых я встречал. И музыка, которую вы слушаете, тоже грустная.

– Это Брамс. Она соответствует моему настроению.

– Странные животные люди, – заметил Лисенок. – Автомобили, палатки, музыка по настроению, и все равно грустите. Что же тогда нам делать?

– Кому вам?

– Это я так, к слову. Вы, французы, имеете большую заслугу перед человечеством, ведь вы придумали слово МЕРСИ. Оно крайне необходимо. Не случайно его перевели на все языки.

– Мерси за комплимент.

– Не за что... Итак, почему вы покинули Францию?

– Там все напоминает мне о НЕЙ.

– Об Изабелл?

– Откуда вы знаете ее имя? – вздрогнул юноша.

– Так ведь так зовут всех француженок.

– Может, вас интересует моя история?

– Знаете какая разница между Тихим лесом и морем?

– Нет.

– В Тихом лесу истории рассказываю я, а здесь наоборот... Я вас слушаю.

Юноша с бледным лицом сел, обхватил колени руками, посмотрел невидящим взглядом на горизонт и начал:

РАССКАЗ ЮНОШИ С БЛЕДНЫМ ЛИЦОМ Мы с Изабелл знакомы с детства. Живем мы по соседству на одной маленькой улочке в Париже. Не думайте, что в нашем городе есть только большие улицы. Мы вместе учились в школе – с первого до последнего класса, вместе в этом году закончили школу. Не было дня, чтобы мы не виделись.

Однажды Изабелл заболела, у нее воспалилось горло, и ей пришлось несколько дней провести дома. Тогда мы оба поняли, что не можем прожить друг без друга даже двадцати четырех часов. Даже больше, мы поняли, что любим друг друга.

Каждую среду и субботу мы ходили в кино. Как только Изабелл выздоровела, это произошло как раз в субботу. мы пошли смотреть фильм «За семьдесят дней вокруг света». Как только погас свет, мы взялись за руки. И сидели так, пока свет не зажегся. Тогда мы взглянули друг на друга и смутились. Потом пошли в кондитерскую, съели по порции мороженого и разошлись по домам.

После ужина я шепнул матери:

– Мама, я хочу что-то тебе сообщить. Мы пошли в родительскую спальню, и пока отец читал свою газету в гостиной, я рассказал ей о том. Что случилось в кино.

– Ну и что? – с улыбкой спросила мама.

– Как что? – ответил я и опустил голову. – Ты считаешь, что это нормально – взять девушку за руки и не выпускать ее рук до самого конца фильма?

– Конечно. Ведь речь идет об Изабелл?

– Да.

– Тогда все в порядке... Вы просто держались за руки.

– Да, но я уже с нетерпением жду среды, когда снова смогу взять ее за руки.

В среду мы снова держались за руки, в субботу – тоже. И так целый год. Каждую среду и субботу мы держались за руки. Но...

– Ах это «но»... Всегда находится какое-то «но», – заметил Лисенок.

– Но однажды в среду Изабелл не пришла в кино, а на следующий день не пожелала ничего объяснить. А в субботу случилось самое страшное. Я решил прогуляться по саду и встретил Изабелл с нашим одноклассником Марселем, прыщавым противным парнем.

– Не называй его прыщавым и противным, – неожиданно вмешался Лисенок. – Мне это не нравится.

– Да, но они были вместе.

– И держались за руки?

– Нет.

– Продолжайте.

– Мне нечего больше рассказать, – вздохнул Юноша с бледным лицом. – Тогда я понял, что наступил конец. Я не мог больше оставаться ни в Париже, ни во Франции. Как можно дальше от Изабелл!.. Я взял отцовскую машину, погрузил в нее палатку и поехал куда глаза глядят. Решил ехать до тех пор, пока не кончится бензин. Ехал несколько дней, пересек несколько границ, и точно здесь, на этом месте, бензин кончился. – Юноша с бледным лицом посмотрел в глаза Лисенку и спросил: – Что вы на это скажете?

– На хорошем месте у вас кончился бензин... У моего друга бензин кончился на холме, поросшем чертополохом.

– Что?

– Ничего.

– Вы мне ничего не скажете?.. Зачем я тогда рассказывал вам свою историю?

– Чтобы полегчало на душе.

– Все же скажите что-нибудь о коварстве Изабелл или...

– Или я расскажу вам более короткую историю о Гоше, – ответил Лисенок.

БОЛЕЕ КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ О ГОШЕ, которую Лисенок рассказал Юноше с бледным лицом.

– Итак, – начал Лисенок, – у Гоши была хорошенькая подружка по имени Мария.

– Но не более хорошенькая, чем Изабелл, – запротестовал Юноша с бледным лицом.

– Да, конечно, – согласился Лисенок. – Я хотел сказать, что они тоже ходили в кино, только по вторникам и пятницам. Держались за руки. Так продолжалось несколько лет... Но в один прекрасный день Мария пошла в кино не с Гошей, а с его другом Тошей... Узнав об этом, Гоша заперся дома и стал думать. К полуночи он стукнул себя по лбу и крикнул: «Ясно!»... На следующий день Гоша пошел к Марии и сказал:

– Мария, скажи мне, когда у тебя свободный день и вы с Тошей не пойдете в кино.

Я хочу пригласить тебя на экскурсию.

– В пятницу! – радостно захлопала в ладоши Мария. И они отправились в горы. Там Гоша спросил Марию, когда она сможет отпроситься у Тоши на несколько дней, чтобы он мог пригласить ее провести их с ним где-нибудь далеко от привычных мест, и вообще, не лучше ли им провести каникулы в походах, ночевать в палатке, повидать незнакомые края, как и подобает серьезным людям. Что без конца сидеть в кино?

Мария ответила, что ей давно уже надоел душный кинозал. Сейчас они живут в палатке и наслаждаются природой.

– Это вся история? – спросил Юноша с бледным лицом.

– Да.

– Зачем вы мне ее рассказали?

– Чтобы вы извлекли из нее пользу...

– Не понимаю...

– Тем хуже для вас.

– Извините, но я ничего не понимаю.

– Когда человек грустен, он становится недогадлив... Давайте послушаем что-нибудь веселое. У вас есть что-нибудь кроме Брамса?

– У меня целых пять кассет.

– Тогда пустите первую.

Когда заиграла веселая музыка, Юноша с бледным лицом вдруг воскликнул:

– Понял!

– Давно пора, – заметил Лисенок.

– Да, но у меня нет бензина на обратный путь.

– А примус есть?

- Есть.
- Перелейте бензин из примуса в бензобак, его вам хватит, чтобы доехать до ближайшей бензостанции.
- Вы гениальный Лисенок!
- Надоело мне без конца слушать комплименты...
- Отправляетесь?
- Да, но не тотчас.
- А когда?
- После того как я посмотрю на дельфинов.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ВЕСЕЛЫЕ ЧЕРНЫЕ ТОЧКИ.

Перед тем как подняться ветру, море становится синим, приобретает тот непередаваемый, неповторимый оттенок, которого нет даже на крыльях у бабочек.

Голубой цвет неба разбавлен воздухом и кислородом, они делают его бледнее. На морском горизонте встречаются два цвета, два синих полотнища, каких не встретишь ни в одном магазине мира. Люди пытаются получить подобные краски в текстильной промышленности, но у них получается только бледная имитация. Многие великие художники, прежде чем умереть, тоже пытались воспроизвести эти краски на полотне, но в отчаянии забрасывали кисти и говорили: «На кой черт я кончал разные академии, раз не могу воспроизвести два синих пятна – одно сверху, другое снизу?» – Один особенно великий художник после нескольких неудачных попыток воспроизвести эти краски даже попытался покончить с собой, но ему помешали.

Тогда он бросил искусство и пошел в монастырь, что равнозначно самоубийству...

Только у детей иногда получают эти цвета в их альбомах для рисования, но они не осознают, чего достигли, или же некому оценить их рисунки.

И вот в такой светло-голубой час на горизонте показались веселые черные точки.

Хоть убейте меня, не могу объяснить, как черные точки могут быть веселыми. Ведь люди считают, что ничто черное веселым быть не может. Веселые черные точки сначала были едва заметными, но, приближаясь к берегу, они становились все больше и начали прыгать над водой. Таким образом они превращались в веселые черные и прыгающие точки, а потом – в дельфинов. Дельфины снуют по морю днем и ночью. Плавают повсюду, скитаются, скитаются и ищут, ищут, ищут – радость. А когда ищут, то радуют тех, кто за ними наблюдают.

Лисенок с любопытством смотрел на приближающихся к берегу дельфинов. Стадо то разворачивалось веером, то приобретало клинообразную форму, то вытягивалось стрелой.

– Каждый день они приплывают в это время! – с гордостью воскликнул Юноша с бледным лицом. – Ко мне!.. Потому что мы друзья... Впереди Вожак... Посмотрите, какой он большой и красивый!.. Заметили, как появляются дельфины?

– Нет, – ответил ошеломленный Лисенок. – А как они появляются?

– Так же, как появляется плач.

– Не понимаю.

– Почему?

– Никогда не видел дельфинов. – Они самые чудесные существа на свете! – Юноша с бледным лицом стал неузнаваем, в нем не было и следа тоски, словно не существовало ни Брамса, ни Изабелл. – Боже мой, как я расстанусь с ними!..

Первым к берегу подплыл Вожак и крикнул:

– Здравствуй, Бледный юноша!

– Здравствуй, Вожак!

– Здравствуй! – закричал кто-то следом за Вожаком тонким голоском.

– Здравствуй, Мони!

– Кто это такой интересный рядом с тобой?

– Это Лисенок?

– А-а, так это Лисенок?

– Здравствуй, Мони, – крикнул Лисенок и посмотрел на Юношу с бледным лицом. – Кто

этот Мони?

- Самый милый дельфинчик на свете.
- Очень милый, – согласился Лисенок.
- Он сын Вожака.
- Теперь он мне еще симпатичнее.
- Он не светит светом своего отца, – отозвался Юноша с бледным лицом. – Мони неповторим.

Стадо устремилось в залив, и вода перед палаткой закипела. Каждый дельфин персонально здоровался с юношей, тот отвечал каждому на приветствие, а Мони он погладил по спине. Гости с интересом смотрели на Лисенка. Лисенок познакомился с дельфинами, ответил на несколько вопросов. Он вел себя так скромно, что его стало невозможно узнать, он не проронил ни одного лишнего слова.

А Вожак и Юноша с бледным лицом завели следующий разговор:

ВОЖАК: Как ты провел сегодняшнее утро, Бледный юноша?

ЮНОША: Купался и познакомился с Лисенком.

ВОЖАК: Как твоя тоска?

ЮНОША: Лечусь.

ВОЖАК: Сколько раз вспомнил сегодня Изабелл?

ЮНОША: Сегодня с грустью вспоминаю Париж.

ВОЖАК: Вот так?

ЮНОША: Лисенок научил меня, что делать.

ВОЖАК: Это хорошо... Хорошо, что ты знаешь, что делать. Плохо, что придется расставаться. Значит, это наша последняя встреча?

ЮНОША: Очень жалко, но...

ВОЖАК: Спокойно. Так надо. У каждого свой путь. Ты – парижанин, а мы – дельфины.

Парижане должны сидеть в Париже, а мы – плавать по морю. Ведь не всю жизнь тебе ждать нас на берегу...

ЮНОША: Мне тяжело расставаться с вами, но Лисенок подсказал мне, что делать, и я возвращаюсь к Изабелл. Жизнь без нее не стоит ломаного гроша... Что слышно о кровожадной Синей акуле?

ВОЖАК: Сегодня мы с ней не встречались. Вчера она сожрала одного тюленя.

ЮНОША: Она доставляет вам много хлопот. Жалко, что я не встретился с ней, когда плывал с гарпуном.

ВОЖАК: Если бы даже и встретился, трудно пробить ее толстую кожу. Скорее она пробила бы твою.

ЮНОША: Будете бороться с ней?

ВОЖАК: Нужно. Хотя и не знаем, как.

Юноша с бледным лицом простился с дельфинами и уехал. Он махал рукой до тех пор, пока не скрылся из вида. Дельфины в ответ махали хвостами, а Лисенок поднимал лапу до тех пор, пока машина не скрылась вдали.

Дельфинов звали просторы. Мони попросил отца, чтобы его оставили на сутки с Лисенком. Вожак согласился, но взял с них слово, что они будут все время находиться в Маленьком заливе Бледного юноши. Как все дети, Мони и Лисенок дали слово, особенно не задумываясь. Вожак повел стадо в открытое море. Дельфины снова стали превращаться в веселые черные точки, потом в еще более маленькие веселые черные точки, пока не растворились в том голубом цвете, которого не могут добиться ни на текстильных предприятиях, ни на полотнах художников, и который порой воспроизводят в своих альбомах лишь дети самыми обычными красками.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ДОЛЧЕ ФАР НИЕНТЕ.

- Итак, – сказал Мони. – мы теперь одни... Что станем делать?
- Плавать.
- А ты умеешь?

– Да.

– А ты можешь с закрытыми глазами видеть солнце?

– Могу. А ты можешь поймать ртом собственный хвост?

– А ты не можешь говорить по-человечьи. Вот мы, дельфины, понимаем людей, по мозговому извилинам мы стоим к человеку ближе всех... Наши собратья из Калифорнии говорят по-английски.

– А ты видел живого голландца?

– А ты не видел затонувшего корабля!

– Зато ты не спал в орлином гнезде.

– Я вообще никогда не сплю.

– Как не спишь?

– Да вот так. Рыбы не спят.

– Что? – поразился Лисенок. – Не может быть!.. Как же ты отдыхаешь?

– Дельфины никогда не отдыхают. Мы всю жизнь плаваем и подскакиваем.

– Не верю.

– Люди и другие животные просыпают треть своей жизни, а мы живем непрерывно, понял?.. В этом отношении мы выше людей.

Этот странный факт взволновал Лисенка. Он представил себе, как родители Мони и все его друзья всю жизнь, пока не умрут, плавают по морю... Они не закрывают глаз, не ложатся отдохнуть... Но ведь они тогда и снов не видят!

– Но ведь вы в таком случае не видите снов! – удивился Лисенок. – Знаешь, какие прекрасные сны бывают?

Но дельфинчик этого не знал. Лисенку стало жаль его. Мони никогда не летает во сне, никогда не карабкается по веревке на Луну, никогда не превращается во сне в жирафа с длинной шеей и не лакомится плодами самой высокой груши в Тихом лесу. А он, Лисенок, переносится во сне в самые отдаленные уголки земли, путешествует по Млечному пути, порой сворачивает к особенно красивой звезде, делает все, что ему заблагорассудится, и никто не делает ему замечаний.

– Мони, я научу тебя спать и видеть сны. Вот увидишь, это нетрудно. Даже младенцы видят сны.

– С удовольствием возьму несколько уроков сна, – согласился Мони. – А теперь давай поплаваем. Если устанешь, я посажу тебя себе на спину.

Залив Юноши с бледным лицом оказался красивее залива Знаменитого Ленивого Краба.

Нырнув несколько раз, Лисенок рассмотрел на дне огромные подводные скалы, песчаные лабиринты, зеленые и буроватые водоросли. Воду пронизывало солнце. На склонах скалистых холмов белели молчаливые раковины. И кто их так наказал – приковал к одному месту и обрек на молчание? Мони познакомил своего нового приятеля с одной раковиной-жемчужницей, которая в отличии от обыкновенных раковин могла разговаривать. Жемчужница поспешила подчеркнуть, что она родом из Японского моря, что здесь живет поневоле, потому что несколько ее прадедов были случайно перенесены сюда на кораблях.

– Япония! – поспешил блеснуть своими познаниями Лисенок. – Страна, где все маленькое – транзисторное. Там радиоприемники вмонтированы в перстни. Поскольку страна маленькая, а население постоянно растет, японцы решили смастерить маленьких, транзисторных человечков, которые будут занимать мало места, свободно разместятся в стране и будут совсем мало есть.

– Забавные рассуждения, – засмеялась жемчужница. – С вами интересно разговаривать. Мне было приятно с вами познакомиться. Как видите, я повсюду ношу с собой свой домик и в случае опасности могу спрятаться... Если, например, появится Синяя акула, я сейчас же скроюсь. А вы что станете делать?

– Хватит! – вмешался Мони. – Лисенок, видишь вон ту скалу в море?

– Вижу!

– Давай поплывем к ней!

Они попрощались с жемчужницей. Лисенок не преминул сказать ей на прощание, что она немного похожа на Великого сыщика, который тоже носит на спине свой домик.

Друзья поплыли к скале. Почувствовав усталость, Лисенок забрался на спину маленькому

дельфину. Отдохнув немного, он снова поплыл сам. Так он делал несколько раз. Мони ревностно наблюдал за своим другом и порой не мог сдержать смеха.

– Почему ты смеешься? – спросил Лисенок.

– Не понимаю, как можно не уметь плавать, – ответил дельфин.

– А ты можешь ходить по земле?

– Нет.

– А я могу и по земле ходить, и плавать... Я вот сейчас в море, а ты никогда не сможешь придти ко мне в Тихий лес в гости.

Лисенок забрался на скалу и стал греться на солнышке. Мони остался в воде.

Только его голова оставалась над водой, ведь иначе они не могли разговаривать.

– Долче фар ниенте! – произнес Лисенок.

– А?

– Ничего.

– Может, ты хочешь, чтобы я спел тебе что-нибудь? предложил Мони.

– Давно пора спеть, – согласился Лисенок. Мони открыл рот и запел странную ПЕСНЮ О

СТАРОМ КАПИТАНЕ

– Капитан, твою фуражку поглотит сейчас вода!

– Ну и что! Большое дело! Это, юнга, не беда.

– Капитан, пробито днище – риф оставил два следа...

– Ну и что? Большое дело! Это, юнга, не беда.

– Капитан, на мель мы сели! И штурвал, похоже, сдал!..

– Ну и что? Большое дело! Это, юнга, не беда.

– Капитан, смотри-ка трубку уронил ты в воду!

– Да? Огорчил меня ты, юнга, Это страшная беда!..

Мони невероятно фальшивил, но Лисенку не хотелось, чтобы песня кончалась, потому что тогда ему придется высказать свое мнение об исполнении. А легко ли это? В его положении перед ним открывались три возможности:

1. Заверить Мони, что он поет хорошо. Так поступают новые друзья, этого требует и учтивость.

2. Сказать правду, чего не пристало делать новым друзьям и что претит правилам элементарной вежливости.

3. Выдавить из себя какое-нибудь неопределенное восклицание, вроде «хм», которое не означает ничего, но звучит как полуодобрение.

– Тебе понравилось, как я пою? – спросил маленький дельфин.

– Ужасно!

– Что?

– Я никогда не слышал более фальшивого исполнения.

– Правильно... Лисенок, хочешь я скажу тебе одну важную вещь?

– Конечно.

– Ты настоящий друг.

Лисенок перевернулся на спину. Шерстка уже почти высохла. Только кое-где еще задержались капли воды, они приятно охладили кожу. Лисенок помахал хвостом и изрек:

– Долче фар ниенте!..

– А это что означает? – снова спросил Мони.

– Это поговорка, что-то вроде «Эх, до чего же здорово!»

– Неверно, – улыбнулся Мони. – Это латинское изречение, которое гласит: «Хорошо ничего не делать».

– Верно, – смутился Лисенок. – Я привел свободный перевод.

– А ты хитрец, – с улыбкой заметил маленький дельфин.

– Ты первый мне это говоришь...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ГЛАГОАБАЗУБАДУЗА.

Меня часто спрашивали, действительно ли существует такое имя, которое невозможно ни

запомнить, ни выговорить. Я всегда отвечал, что такое имя есть. Поэтому, тот, кто хочет звать по имени большую медузу, должен потренироваться известное время, чтобы правильно выговаривать его. Некоторые пытались сокращать это имя, придумывали ласкательные обращения, но в таких случаях медуза или не отвечала, или сердилась. Глагоабазубадуза очень похожа на свое имя – она такая же расплывчатая в длину и в ширину, невозможно определить где начало, а где конец.

Даже цвета ее определить невозможно. Многие пытались, да все безуспешно.

Глагоабазубадуза сочетает в себе все цвета радуги, все их производные и комбинации, начиная от белого цвета и кончая черным, но между ними расположены самые волшебные оттенки желтого, розового, голубого и красного, украшенные точками и черточками. Эта подводная ярмарка плавает по морю, грациозно покачивая своим зонтиком. Куда она плывет, зачем плывет

– никто не знает. Ее можно встретить повсюду, полюбоваться ее расцветкой. Глагоабазубадуза не движется в одиночестве.

Ее сопровождают сотни более мелких специально подобранных медуз – это целое пестрое созвездие, плывущее под водой молчаливо и медленно, словно время не имеет никакого значения.

Лисенку ее представили как царицу медуз.

– Царица Глагоабазубадуза, – обратился к ней Мони, – вы не могли бы сообщить нам, сколько у вас подданных?

– Три миллиарда сто, – ответила царица. – Почти столько же, сколько людей на земле.

– Три миллиарда только в этом море?

– Да... Три миллиарда сто...

– Да, конечно, извините.

– Многие допускают ошибку. Хотят умалить мое значение...

– Медузы ни о чем не думают, – стал объяснять Мони, – ни о пище, ни о воздухе. И врагов у них нет. Никто не испытывает к ним ни ненависти, ни любви. Им не надо разрешать никаких вопросов, они просто живут... Холодная вода или теплая, идет дождь или не идет – им все равно. Они не знают или не хотят знать ни радостей, ни бед. Только Глагоабазубадуза может обидеться, если неправильно произнесут ее имя... Медуз несет по течению, волны тащат их, куда им заблагорассудится. Медузу хоть разрежь, она не почувствует боли. Не знают медузы и никаких удовольствий.

– Это страшно! – воскликнул Лисенок. – Это страшнее самого страшного существования.

– Вы что-то сказали? – произнесла Глагоабазубадуза.

– Я сказал, что вы очаровательны и что у вас неповторимое имя.

– Кто этот симпатичный господин? – обратилась царица медуз к дельфинчику.

– Это мой друг Лисенок.

– С ним приятно разговаривать. Изысканные кавалеры мне всегда приятны. Передайте ему, что я буду рада встретиться с ним снова. Тогда мы более обстоятельно поговорим о таких же умных вещах.

– С удовольствием передам, – Мони поклонился. – Куда вы направляетесь?

– Туда, куда нас несет это приятное течение. Желаю вам всего доброго... Привет вашим родителям, Мони.

Лисенок тоже поклонился и стал смотреть, как царица удаляется от скалы.

Окруженная своими подданными, она напоминала разлитый по воде разноцветный сироп. Среди медуз царило молчание.

– А что, другие медузы не разговаривают? – заинтересовался Лисенок.

– Нет. Разговаривает только царица. А ее подданные слушают ее и молча следуют за ней.

– Ужасно!.. Это самое страшное зрелище из всех виденных мною!

– На меня произвела впечатление твоя учтивость.

– Сам не знаю, почему был учтив с ней. Что-то подсказывало мне, что с ней надо держаться учтиво. Может быть, это от сожаления.

– Медуз нельзя назвать несчастными, – заметил дельфин.

– Но и счастливыми их не назовешь.

– Да, конечно.
 – Они вообще не испытывают никаких чувств?
 – Не чувствуют ни голода, ни холода, ни боли, – снова подтвердил Мони.
 – Просто находятся в воде, и часто их невозможно отличить от нее.
 – Странно, – продолжал сокрушаться Лисенок. – Значит, эти безличные существа не могут радоваться и улыбаться, не могут скорбеть и плакать, не испытывают потребность что-то делать, так?

– Точно так.

– Зачем же они тогда живут?

– Я тоже думал над этим... Мне кажется, что раз на свете должно быть все, то есть и они.

– Но зачем они?..

– Может, они нужны для примера?.. Чтобы на них показывали.

– Убедительный ответ. – согласился Лисенок. – Бедняжки!

И он бросился в воду. Теперь он чувствовал себя в воде увереннее, более плавно работал лапками, спокойно опускал голову под воду. пользовался хвостом, как рулем. А Мони все время выпрыгивал из воды, разбрасывая радужные брызги.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. ОПЯТЬ ИСПЫТАНИЕ.

Со стороны моря берег казался коричневатой полоской, становился чем-то призрачным, и это порождало чувство полной оторванности от привычного мира. В море очень тихо, если нет ветра и чаек. В такие спокойные часы можно...

– Ха-ха! – закричала Синяя акула, которая на самом деле была серо-синей.

Ее нечищенные после завтрака зубы имели желтоватый оттенок.

– Быстро залезай мне на спину! – крикнул Мони другу.

Лисенок считал, что все это уже бесполезно, но надо же было что-то предпринять, и он послушался Мони.

– Ха-ха! – засмеялась Синяя акула и щелкнула зуба ми.

Мони плеснул хвостом по воде и стремительно помчался вперед.

– Ха-ха-ха! – продолжала смеяться акула, или, вернее, ей казалось, что она смеется.

Никому еще не удалось описать смех акулы. Те, кто имели счастье его слышать, не имели возможности его описать, потому что в брюхе этого чудовища тесно и темно, и к тому же там нет карандаша и бумаги.

– Держись! – пищал снизу Мони.

Дельфинчик стремительно рассекал воду, за его хвостом лопались фиолетовые пузыри. Лисенок весь трясся. он понял, что ему осталось жить считанные секунды.

Он даже не оглядывался, только слышал у себя за спиной щелканье мощных зубов.

– Ничего у нас не выйдет, – шепнул он на ухо Мони. – Спасайся хотя бы ты!

– Держись! – не сдавался дельфин.

– Мне не за что держаться.

– Сожми меня лапками!

– Они у меня дрожат.

– Вцепись зубами мне в спину!

– У меня дрожат челюсти.

– Вцепись зубами, тебе говорят!

– Тебе станет больно!

– Глупости!.. Знаешь, какую боль причиняют зубы акулы?

При этих словах Лисенок задрожал еще сильнее, но потом взял себя в руки.

Неожиданно ему показалось, что кто-то щекочет его за хвост. Кто бы это мог быть?.. «Если кто-то щекочет меня за хвост, то этот кто-то – Синяя акула, потому что нас преследует только она... Но зачем ей щекотать меня за хвост? Незачем.

Значит, она не щекочет хвост соломинкой, а пробует зубами его вкус»... Лисенок поспешно поджал хвост и снова услышал грозное щелканье зубов. Маленький путешественник не выдержал, задрожал еще больше, его вдруг охватило безразличие ко всему, и он свалился в

воду. Щелкнули желтоватые зубы. Лисенок почувствовал, как что-то сдавило ему спину.

Вокруг простиралось спокойное море, на небе сияло солнце кругом царила тишина.

Что природе до того, что тебя схватила акула?

«Акула поймала меня, ~ думал Лисенок. – Остается только выяснить, чем я ей послужу – обедом или ужином... Откуда я знаю, сколько раз в день едят акулы...»

Наверно, где-нибудь написано об этом, но где?.. Мне не попадалась подобная литература».

Хищница несла свою жертву осторожно, ее зубы едва касались шерстки.

«В худшем случае я доживу до обеда. А если повезет, то увижу и заход солнца», – думал Лисенок.

Неожиданно пасть раскрылась, и Лисенок почувствовал, что он свободен. Да, никто больше не держал его, и он мог плыть сам.

– Садись мне на спину! – приказала акула. – Я перенесу тебя на скалу, которая возвышается среди моря.

– Сейчас! – ответила жертва.

Спина акулы была куда шире маленькой спины Мони. По такой спине можно даже прогуливаться, это прямо спина-автобус. Чудовище спокойно плыло все дальше в море. Отсюда уже не был виден берег. Лисенок озирался в надежде обнаружить своего маленького друга. Но его нигде не было. Что произошло? Куда он делся?

Синяя акула молча рассекала воду. Неужели акулы такие молчаливицы? Или только ЭТА акула такая? Может, заговорить с ней? Лисенок вспомнил, как они разговаривали с Каменаром, когда тот нес его по воздуху.

– Вы Синяя акула, не правда ли? – наивно осведомился Лисенок.

– Да. Что вам нужно?

– Мне ничего не нужно. Это ВАМ что-то нужно от меня.

– И я его получу, – отрезала Синяя акула. – Я вас съем и с большим удовольствием.

– Что-то не верится.

– Что? Вы еще сомневаетесь?

– Сомневаюсь.

– Впервые встречаю такую нахальную жертву. Почему же вы сомневаетесь?

– Потому что и другие собирались меня съесть, а я, как видите, жив. Один раз меня уже хватили и тоже несли на скалу... Честно говоря, мне уже это надоело – хватают тебя, таскают куда-то. Это уже банально... Послушайте, почему вы, злодеи, поступаете всегда одинаково?

– Не знаю, на что вы намекаете, знаю только, что я давно не ела теплого сухоземного мяса.

– А вам не надоело быть злодейкой?

– Какой родилась, такой и умру.

– Да, злодеи никогда не переведутся. Всегда найдется кто-нибудь, кто мешает жить, будь то орел в небе или акула в море... И кого только еще нет на свете!

Знаете, как хорошо я играл с моим новым другом Мони? И откуда вы взялись? Нам было так интересно и весело!

– А вы разговорчивы. И с высоким самочувствием.

– Дельфины говорят, что вас никто не приглашал в это море. У вас есть целые океаны. Что вам здесь нужно?

– Вы считаете, что я здесь по собственной воле?

– Конечно. Кто мог загнать вас насильно в это маленькое море? Кто сильнее вас?

– Человек.

– Нечего обманывать! Привыкли все сваливать на людей.

– Уверяю вас, – сказала Синяя акула.

– Уж не хотите ли вы уверить меня, что человек схватил вас и притащил сюда?

– Это я и хотела сказать.

– Сказки!

– Приключившаяся со мной история и впрямь похожа на сказку. Да, да, на настоящую сказку. Я по дороге расскажу вам ее.

ИСТОРИЯ СИНЕЙ АКУЛЫ, рассказанная ею самой Сейчас мне почти семьдесят лет. А когда мне было всего несколько месяцев, я была симпатичной акулочкой, крепенькой и необычайно резвой.

– Ты станешь превосходной акулой! – заявил однажды мой отец. – Через два-три года твоя кровожадность станет наводить страх на весь Тихий океан.

– А на Шумный? – спросила я.

– О таком океане я не слышал, – со смехом ответил мне отец. – Мы родились в Тихом океане, самом большом на свете, поэтому его называют еще Великим океаном.

Гордись, что это твоя родина.

И я гордилась тем, что родилась в Великом океане. Прошло три года. Я окрепла, стала ловкой, о моих дерзких нападениях заговорили все вокруг. Мои челюсти стали крепкими, как сталь, плавники приобрели гибкость. В четырехлетнем возрасте я стала абсолютной чемпионкой по плаванию. Моя кожа стала приобретать синий оттенок, и меня прозвали Синей акулой. Так меня звали не только обитатели океана, но и моряки. Однажды я услышала, как один моряк крикнул другому:

– Послушай, Джим, это не Синяя ли?

– Похоже, она самая.

– Уверен, что она.

– Вполне возможно.

– Спорю на бутылку виски! Согласен?

– Нет, потому что эта акула и впрямь похожа на Синюю.

– Этого не может быть, – вмешался третий моряк. – Я видел Синюю акулу вчера.

Сегодня мы не можем ее видеть по той простой причине, что наш корабль самый быстроходный на свете, и ни одна акула не может плыть с такой скоростью.

Первый и третий моряк поспорили на бутылку виски, познали капитана и попросили его рассудить их. ..Клянусь собственным носом, что это она самая!» – удивленно воскликнул капитан. Третий моряк выиграл бутылку виски, а из разговора моряков я поняла, что могу плавать быстрее самого быстроходного корабля. Я возгордилась и переселилась в Атлантический океан

– он меньше Тихого, но его пересекают важнейшие пароходные трассы. Итак, я пристала к одному роскошному пассажирскому судну и начала вместе с ним совершать рейсы из Америки в Европу и обратно.

Пресыщенные богачи, особенно женщины, бросали мне очень вкусные куски. Должна заметить, что акулы дерутся за такие суда. Право следовать за ними захватывают самые сильные акулы, они плавают следом за кораблем до тех пор, пока их не прогонит более сильный соперник... Я хватала добычу еще в воздухе, делала огромные скачки, стараясь проявлять при этом грациозность и ловкость. Пассажиры любовались мною. щелкали фотоаппаратами. Я чувствовала себя совершенно счастливой до того самого дня, когда снова встретила со своим отцом.

Это случилось где-то около Бермудских островов. Отец хмуро посмотрел на меня.

– Что тебе здесь надо? Ты ведь не собирался покидать Тихий океан? – спросила я.

– Я разыскивал тебя.

– Вот как?

– Я узнал, что ты позорно таскаешься за кораблями и питаешься объедками... Это правда?

– Правда, отец. Но если бы ты знал, как вкусны эти объедки! Кроме того, меня фотографируют. Меня уже знает весь мир.

– Мы не для того воспитали и вырастили тебя, Синяя акула, – процедил сквозь зубы мой отец. – Мне не нужна дочь-попрошайка. Немедленно возвращайся в родной океан!..

Мне не хотелось возвращаться, и я ответила:

– А что будет, если я не подчинюсь?

– Лично я не причиню тебе зла, но легкая и праздная жизнь тебе жестоко отомстит.

Такая карьера тебя до добра не доведет... Ты уже не прославленная Синяя акула, твои мускулы обмякли, занимаешься ты тем, что позируешь пассажирам. Если тебе выпадет тяжелое испытание, ты пропадешь.

– Ты свободен, отец! Больше говорить нам не о чем. Я остаюсь здесь.

Отец молча поплыл прочь. Но уже через несколько дней я убедилась в правоте его слов.

Однажды утром возле моего судна появилась Игла – самонадеянная молодая акула. Я крикнула ей, чтобы убиралась, пока цела. Но она только засмеялась в ответ. В это время одна из дам бросила с палубы шницель – мое любимое лакомство. Имейте ввиду, что корабельные коки славятся своим кулинарным искусством. Мы обе устремились к добыче. Игла оказалась проворнее меня, и шницель достался ей. Это меня поразило. До этого момента меня считали самой стремительной акулой в мире.

Разумеется, я не могла оставить поступок Иглы без последствий, бросилась на нее.

Началась схватка не на жизнь, а на смерть. Чтобы остаться в живых, одной из нас нужно было оставить это судно, с которого бросают разные лакомства и устремляют на тебя фото – и киноаппараты. Зашелкали зубы, готовые впиться в тело врага.

Через полчаса мне пришлось позорно отступить и оставить соблазнительный корабль – мне хотелось жить, а если бы я не обратилась в бегство, мне перегрызли бы горло.

Я долго колесила по Атлантическому океану, волоча за собой кровавый след.

Избегала встреч с подобными себе и даже с дельфинами. Питалась мелкими рыбешками, встречавшимися мне на пути, а чаще голодала и ждала, когда затянутся раны. Выздоровев, я решила снова жить по-старому: подальше от судов и объективов, подальше от легкой жизни. Теперь мне предстояло самой добывать себе пищу – в схватках. Шли месяцы, силы возвращались ко мне, мускулы окрепли, а через два года обо мне снова заговорили. Я сумела завоевать славу вторично. Я выигрывала схватку за схваткой, снова стала чемпионом по плаванию. Пора было возвращаться в родной океан, найти отца, рассказать ему о своих злоключениях и попросить прощения.

Только одно останавливало меня – мне хотелось еще раз встретить Иглу. Из-за этого глупого желания я и живу сейчас не в Тихом океане, а в Черном море, которое тесно для меня – только наберешь скорость, и сразу оказываешься у противоположного берега.

Я решила подстеречь Иглу и стала снова по трассе судна, за которым плавала Игла. И вот судно наконец появилось. Я услышала голос третьего капитана:

– Смотрите! За бортом Синяя акула!

Какую гордость я испытывала в ту минуту! Моряки принялись махать мне руками. Я была польщена.

– Посмотрим теперь, что произойдет! – крикнул механик.

– Где же Игла? – заинтересовались матросы. Поднялся шум, на правом борту столпилось много народа, зажужжали кинокамеры, разгорелись споры. Все это тронуло меня. Но где же Игла?.. И в этот момент я увидела ее рядом с собой. С палубы снова бросили шницель. Я стремительно бросилась к нему, подскочила по всем правилам и схватила кусок прямо в воздухе. Шницель оказался превосходным, но все же вкус его слегка изменился. Видимо, на корабле сменили кока.

Игла попыталась поднырнуть под меня, чтобы поразить меня в самое уязвимое место – в брюхо, но я перевернулась на спину. Игла щелкнула зубами, ее челюсти скользнули по моему спинному плавнику. Наступил мой черед. Прежде всего я ошеломила своего врага стремительными разворотами, потом улучила момент, впилась Игле в брюхо и подняла ее тело над водой. До моего слуха донеслись ободряющие крики и аплодисменты. Я подбросила Иглу вверх и вцепилась зубами ей в жабры.

Целый день я лакомилась мясом своей недавней противницы, выбирая самые лакомые куски. Потом бросила ее останки. Я не ожидала, что победа окажется такой легкой.

Праздная жизнь подточила силы Иглы.

Жестоко отомстив за нанесенное мне два года назад оскорбление, я поплыла к родному океану. Плыла спокойно, чувствуя себя хозяйкой морей. Порой я слышала голоса: «Берегитесь, это Синяя акула! «... Слава обо мне разнеслась повсюду.

На третий день после моего триумфа ко мне приблизилось неказистое суденышко – деревянное, утлое. Один из моряков словно нечаянно бросил в море кусок мяса. Я моментально проглотила его.

Не помню, что произошло со мной дальше. Когда я снова почувствовала, что живу, я

поняла, что нахожусь в Черном море, что здесь я единственная кровожадная акула, что у меня нет противников, а пища сама лезет мне в рот...

– Ха-ха! – захохотала вдруг Синяя акула, которая, в сущности, была серо-синей. – Вот и мой смешной островок! Мы достигли цели!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ДИСКУССИЯ.

Островок и вправду оказался смешным, это была источенная волнами скала, едва выступавшая из воды. При малейшем волнении она, наверно, оказывалась под волнами, и о ее существовании свидетельствовала только пена.

– Когда вы собираетесь меня съесть? – спросил Лисенок, когда акула высадила его на камень.

– Почему тебя это интересует?

– Здесь мне неудобно. Лучше не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. К тому же скала колет мне пятки.

– Я не могу тебя съесть раньше 23 июля, – ответила Синяя акула.

– Почему?

– Потому что это день моего рождения. Мне исполнится семьдесят лет, и ты составишь мой праздничный ужин.

– Из-за ваших капризов мне придется ждать целых три дня?

– Придется.

– Не бывать этому! Или вы съедите меня немедленно, или...

– Что или?

– Или не съедите меня вообще.

– А как ты себе это представляешь?

– Увидите. И другие оставляли меня на потом, и я оставался жив.

– Что-то не понимаю...

– Что-то подсказывает мне, что если вы не съедите меня сейчас же, то я не смогу обеспечить вам праздничное меню.

– Сбежать вы не сможете, – заявила Синяя акула. – Я буду постоянно наблюдать за скалой. До вечера 23 июля я буду питаться мелкими рыбешками. После этой даты скала перестанет колоть вам пятки.

– Вы обращаетесь ко мне то на ВЫ, то на ТЫ, что за воспитание?.. Я еще маленький, поэтому лучше обращайтесь ко мне на ТЫ.

– Ладно.

– И все же мне кажется, что вы меня не съедите.

– Послушай! – рассердилась Синяя акула. – Никто тебе не поможет. Дельфины бессильны передо мной. Понял?

– Хорошо, хорошо, понял.

– Предупреждаю, чтобы ты знал. Живи спокойно до 23 июля. Тогда я стукну тебя хвостом, сброшу в воду и проглочу.

– Хорошо, хорошо, понял.

– Брось свое «понял»!

– Хорошо, а что мне тогда делать?

– Молчать!

– И ждать вашего каприза?

– Да!

– Как бы ни так! Или ешьте меня или убирайтесь отсюда!

– Послушай, малявка, с кем это ты так разговариваешь?.. Ты забыл, что перед тобой Синяя акула?

– Это мне давно ясно.

– Замолчи, а не то я выйду из себя!.. В конце концов и у меня есть нервы!..

– Ничего у вас нет. У злодеев нет ни сердца, ни нервов. Просто не понимаю, почему весь мир не ополчится против вас, не уничтожит вас, чтобы мы зажили спокойно.

– Кто это вы и как вы собираетесь жить?

– Мы – добрые животные, которые никому не причиняют зла и мечтают жить счастливо. Мы хотим играть, резвиться, не боясь, что нас станут хватать ко всяким дням рождения!.. Я родился совсем не для того, чтобы послужить вам ужином!.. У моих родителей другие планы на мое будущее.

– Очень меня это интересует!

– Придет день, и заинтересует... И вам придется туго. Надоели вы мне, понимаете?!

– Ха-ха-ха!

– Почему вы смеетесь?

– Если бы в океане узнали, что какая-то малявка так разговаривает со мной, все лопнули бы от смеха.

– Вы лопнете не от смеха, а от злости.

– Ха-ха-ха!

– И не рассчитывайте, что раз вы такая знаменитая, то вам все сойдет с рук...

Многие прославленные личности канули в неизвестность.

– Ха-ха-ха!

– Вы смеетесь совсем неестественно.

– Замолчи! – гаркнула Синяя акула.

– А вы меня не раздражайте! – ответил Лисенок.

– Замолчи, тебе говорят!

– И до каких пор мне молчать?

– До 23 июля.

– Плевать я хотел на ваш день рождения!

– Что?!

– А вот то! Такие, как вы, рождаются для того, чтобы умирали тысячи других!

– Замолчи, тебе говорят!

Акула яростно ударила хвостом по воде.

– А вы сейчас и вправду синяя. Посинели от злости. И все из-за того, что я не боюсь смерти. Если бы я трусил, вы бы вели себя властно, а так вы видите, что ваша сила ничего не стоит. Вы и вам подобные сильны только в глазах трусов. Им обязаны славой все угнетатели.

– Прошу тебя, замолчи! – снова закричала акула и заплакала.

Обреченный на съедение Лисенок с удовольствием взирал на ревущую акулу. Злодейка ревела, оглашая все вокруг звуками, которых никто никогда не слышал и не описывал. Ее длинное тело сотрясалось, гоня на скалу волны. Пленник чувствовал, что вода захлестывает ему лапы, но сейчас ему было не до того. Лисенок представлял себе, как это кровожадное страшилище, такое жалкое в данный момент, нападает на беззащитных, терзает их тела, опьяненная кровью жертв. И это продолжается уже семьдесят лет. Тысячи живых симпатичных существ разорваны зубами Синей акулы, они даже не проявляли, вероятно, достаточного сопротивления, потому что много лет подряд слушали страшные предания о ее непобедимости.

– Успокойтесь, – сказал Лисенок. – Ведь ничего особенного не произошло. Я просто пошутил. Видите, я остаюсь вашим пленником, и вы съедите меня, когда вам заблагорассудится. Мы вдвоем отпразднуем ваш день рождения. Сначала я вас поздравлю, а потом вы меня проглотите.

– Знаю, что так оно и будет, – всхлипывала хищница, – и все же вы злоупотребили моим доверием. Поступили несправедливо с бедной акулой, которая в данный момент не может вас проглотить. Впервые надо мной насмеялись, впервые я чувствую себя бессильной.

– Я больше не буду, – пообещал Лисенок. – Вхожу в ваше положение и осознаю свою ошибку. Я вел себя не по-джентльменски.

– Спасибо, – сказала Синяя акула.

Она ополоснула морду и, похоже, успокоилась.

– И все же, – вздохнул Лисенок, – хоть вы и синяя, но довольно глупая акула.

– Почему вы так думаете?

– А почему вы так настойчиво желаете отметить свой день рождения?

– Как почему? – удивилась акула. – Так ведь это мой день рождения! В этот день я

впервые увидела свет! Я праздную этот день каждый год.

– Это черный день для многих других, ну да что о том толковать.

– Прошу не начинать все сначала.

– Я хочу есть! – заявил Лисенок. – Знаете, какой я голодный?

– Голодный? – изумилась хищница.

– А вы думаете, что только вам хочется есть?

– Тебе должно быть безразлично, голодный ты или нет. Ты так и так через три дня умрешь.

– Мне надоело умирать и ждать смерти. Орел Каменар пел мне ту же песню.

– Я могу поймать тебе несколько рыбок, – предложила акула.

– Я ем только растительную пищу.

– Хочешь, я принесу тебе водорослей? В последнее время усиленно расхваливают их питательные качества.

– А почему вы их не едите?

– Потому что я акула.

– Пора и акулам переходить на водоросли. Тогда на свете все встанет на свои места.

– Мне невыгодно, чтобы все становилось на свои места.

– С вами невозможно спорить... Принесите мне водорослей, а не то я умру от голода. Я здесь для того, чтобы вы меня съели, а не для того, чтобы вы морили меня голодом.

– Извини, так уж получилось. Сейчас я нарву для тебя самых нежных водорослей, богатых витаминами и фосфором. Ты сразу станешь сильным и жизнерадостным.

Акула нырнула и стала рвать водоросли, которыми обросла подводная часть скалы.

Вскоре она вынырнула на поверхность и положила перед своим пленником целую кучу подводных растений. Лисенок выбрал самые вкусные из них и принялся с аппетитом есть. Акула с отвращением отвернулась.

– И почему ты и тебе подобные едят траву? – спросила акула.

– Чтобы не поедать друг друга! – ответил Лисенок.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. А ВЫ ЧТО ПОДУМАЛИ О МОНИ?

Мони почувствовал, что на спине у него больше никого нет, но не стал кричать. Он знал, что произошло. Лисенок или упал в море, или, что более вероятно, нарочно свалился в воду, считая спасание невозможным.

Дельфинчик нырнул под воду и стал ждать, когда хищница проглотит свою жертву. Он решил сейчас же вцепиться акуле в брюхо. Ему и в голову не приходило бежать – или он спасет своего друга, или они оба погибнут.

Существовала и другая возможность, которую Мони позднее назвал «невозможной возможностью»; Он думал приблизительно следующее:

«Надо выбрать подходящий момент, и когда Лисенок окажется в пасти акулы, нужно как можно неожиданнее и как можно крепче вцепиться хищнице в брюхо. От неожиданности она выпустит Лисенка, а сама получит разрыв сердца (так называемый инфаркт)».

Но акула не проглотила Лисенка, а посадила его себе на спину, потом между нею и жертвой завязался разговор. Зашла речь даже о дне рождения.

Дельфин плыл рядом с ними и слышал весь разговор. Слышал он и дискуссию на скале. Изо всего этого он сделал несколько житейских выводов:

1. Всегда можно, если презираешь смерть, держаться достойно.

2. Физическая сила – это еще не все.

3. Не стоит верить хваленым авторитетам. И они могут реветь в голос при известных обстоятельствах.

4. И самое главное /что не связано с вышеизложенными мыслями/ – акула не съест Лисенка в ближайшие три дня.

Мони оставил скалу и понесся по морю. Но куда? Как найти дельфинов, чтобы рассказать им все? Три дня!.. Что можно сделать за три дня?.. Тут и трех лет мало! Но все же, у них есть целых три дня.

Дельфинчик время от времени выскакивал из воды и издавал призывные звуки. Где-то плавают его стадо, но где?..

Вместо дельфинов он встретил Серебряную кефаль. На всякий случай Мони поведал ей о своей беде. Пусть она расскажет в свою очередь об этом другим, пусть все обитатели моря узнают, что на скале томится пленник, который будет съеден в день рождения вместо праздничного торта.

– Меня удивляет склонность Синей акулы к сентиментальности, – заметила Серебряная кефаль. – Такое трогательное отношение к своему дню рождения!..

– Это и в самом деле удивительно, – подтвердил Мони. – но зато это позволит нам что-то предпринять.

– Едва ли, – возразила Серебряная кефаль. – По-моему, Лисенок обречен.

– Это означает, что и я обречен, – решительно заявил Мони.

– Почему и ты?

– Потому что я не брошу своего друга в трудную минуту. Я укушу Синюю акулу в день ее рождения.

– И что ты этим докажешь?

– Что и мы тоже начинаем кусаться!

– Хорошо сказано, – улыбнулась кефаль. – Но нельзя напрасно жертвовать собой.

Твои родители вряд ли легко перенесут твою гибель.

– Это я виноват, что так получилось. Это я уговорил Лисенка заплывать далеко в море.

– Успокойся, малыш. Когда дети хотят играть, их ничто не остановит. Особенно, если они недавно подружились... Сейчас главное – найти дельфинов, – Серебряная кефаль высунула голову из воды и огляделась. – Впервые море кажется мне таким большим... У вас нет определенного места встреч?

– Завтра дельфины приплывут в залив Юноши с бледным лицом.

– Это хорошо. Давай договоримся так: я на всякий случай поплыву вон в ту сторону, а ты плыви вот в эту. А завтра встретимся в заливе Юноши с бледным лицом. Договорились?

– Договорились.

Расставшись с Серебряной кефалью, дельфинчик почувствовал себя совсем одиноким.

Над пустынным морем сгустилась темнота – самый большой враг одиноких скитальцев.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. ГОЛУБЫЕ ДОРОГИ.

В алом свете зари резвящиеся дельфины казались золотыми. Море словно выбрасывало навстречу солнцу золотые искры и поздравляло его с рождением нового дня.

Дельфины верили, что каждый новый день рождается для того, чтобы принести новые радости живым существам. Им предстояли новые странствия, новое опьянение синевой. Дельфины чувствовали, что им не хватает чего-то совсем небольшого, чтобы их чувства достигли остроты ощущений человека, но этого небольшого у них не было.

Несмотря на это. они чувствовали красоту, высоко ценили добро и стремились к нему, но не могли, как люди, созидать и строить. Не понимали они и сущности войн. Они считали, что люди воюют ради удовольствия. что войны – нечто вроде игры. Многие знали дельфины, но многого и не знали. Они не знали, что достигли той стадии развития, которая дарит им чувство красоты, опьянения и радости, что то небольшое, в чем они не достигли человека, им и не нужно, что они вполне могут обойтись без строительства и тем более без войн.

Вожак с удовольствием наблюдал за игрой своего стада. Да и какой он вождь? Он только ТОТ, который плывет впереди. Всего лишь ориентир. Он невольно залюбовался скачками Ловкого. У Ловкого настоящий талант! Вот он, грациозно выгнувшись, вылетел из воды навстречу солнцу и, вызолоченный его лучами, упал в воду, взметая золотые брызги. Вправо от него плывет Мечтатель. Он не мастер прыгать, он все еще залечивает свою сердечную рану. Это уже не тайна, и если читатели позволят, я расскажу историю Мечтателя, она многим может послужить уроком. Итак ИСТОРИЯ МЕЧТАТЕЛЯ, рассказанная автором Дельфины пересекали залив. Опускалась ночь, и они спешили выйти в открытое море.

В этот вечерний час затишье сменялось волнением – засыпал ветер моря, просыпался

ветер материка. Когда меняются ветры, как правило происходят необычайные вещи.

Даже чудеса. Ветер материка взъерошил листья смоковниц и заскользил по воде. И еще он принес звуки музыки.

Чистая звучная мелодия доносилась со стороны песчаного пляжа и, растворенная в полумраке, становилась смесью грусти, надежды и радости. Вожак остановился и посмотрел в сторону берега. Стадо притихло. Весь берег уже поглотили сумерки. В глубине залива, там, где кончалась песчаная подкова пляжа, появилось необъяснимое зеленоватое сияние. Дельфины, которых неудержимо влекла к себе музыка, поплыли на этот огонек. Чем ближе они подплывали к берегу, тем яснее слышалась мелодия. Темнота сгустилась, и сияние несколько усилилось, но все равно оставалось нечетким и таинственным, таким, какое больше всего подходит музыке. Минуты бежали, дельфины, замороженные мелодией, тихо лежали на воде. Так прошло несколько часов. Неожиданно музыка смолкла, вскоре после этого погас и зеленоватый огонек.

– Поплыли обратно, – сказал Вожак. – Музыка больше нет.

– Больше нет, – разочарованно вздохнул кто-то.

Дельфины поплыли обратно. Никто не заметил, что одного из них нет с ними. Они тогда не знали достаточно хорошо Летуна – позднее его перекрестили в Мечтателя.

Никто не мог предвидеть событий...

Мечтатель оставался в заливе всю ночь. Утром пляж заполнился людьми, и он отплыл подальше, но не из страха, а от нежелания стать причиной суматохи. Он терпеливо ждал, когда наступит вечер и снова подует ветер с суши. Вечерний бриз снова принес звуки музыки. Одинокий дельфин, не шевелясь, слушал музыку больше часа, а когда к опьянению прибавилось и любопытство, приблизился к полоске песка. Здесь было совсем мелко. Почувствовав под собой дно, Мечтатель стал искать место поглубже, чтобы еще более приблизиться к суше. Отсюда музыка была слышна лучше, сияние было сильнее, а что-то он увидит возле самого берега?

Неожиданно дельфин почувствовал, что он не один. Обернувшись, он увидел зонт Глагоабазубадузы. Медуза царственно покачивалась на волнах в кругу своих приближенных. Даже в темноте можно было различить краски ее тела, отражавшего скудный блеск звезд.

– Музыку слушаешь? – спросил Мечтатель больше из вежливости, чем из желания поговорить.

– Что?

– Музыку слушаешь? – снова спросил дельфин, уже жалея, что начал разговор.

– Ничего я не слушаю.

– Как?.. Неужели ты не слышишь! Кто-то играет на берегу.

– Пусть играет.

– Тебя не волнует музыка?

– Я волнуюсь только вместе с морем, – ответила Глагоабазубадуза.

– И ты не испытываешь никакого удовольствия?

– Ну и что в том?

– Ты здесь случайно?

– Да.

– И не будешь слушать дальше?

– Что ты говоришь такое?.. Я жду, когда ветер отнесет меня обратно в море. Мне не хочется самой двигаться.

Дельфин с отвращением посмотрел на царицу медуз и поспешил отплыть подальше.

Неожиданно он обнаружил глубокий каньон, который шел вдоль скал, выдолбленный постоянно движущейся водой. Мечтатель поплыл по каньону и понял, что может доплыть до того места, откуда хорошо видна терраса небольшой дачи. Музыка лилась из выходящей на террасу комнаты. Оттуда же исходил и зеленоватый свет. В дверях комнаты стояла хрупкая девушка в коротком платье. У девушки было необычайно нежное лицо с белой кожей. Она играла на виолончели. Дельфин никогда не видел более красивого, более изящного существа. У этого прекрасного существа были зеленоватые глаза. Может, из них струился зеленоватый свет? Мечтателю хотелось, чтобы это было именно так. Он слушал, как замороженный, и

смотрел на девушку, пока в глубине дома не хлопнула дверь и не появилась женщина со смуглым от загара лицом. Она подошла к виолончелистке, послушала немного, потом положила руку ей на плечо. Музыка смолкла.

- На сегодня достаточно, – сказала женщина.
- Мама, можно я завтра искупаюсь? – спросила девушка.
- Нет, милая. До конкурса никаких купаний.
- Но почему?
- Боюсь, как бы ты не простыла. Ты должна занять на этом конкурсе первое место.
- Я хочу купаться, как все!
- Ты принадлежишь не себе, а искусству. После конкурса купайся сколько хочешь... А теперь пора спать. Зеленый свет погас.

Весь следующий день Мечтатель не отплывал от скал ни на метр. Девушка играла в своей комнате, но ветер с моря уносил звуки музыки в сторону суши. Однако дельфину было достаточно и того, что он видел через раскрытую дверь порхающие над струнами руки девушки, видел, как она откидывала назад голову, чтобы волосы не падали ей на лицо. Порой она опускала смычок и смотрела на горизонт.

В один из таких перерывов девушка вышла на террасу и осмотрелась. Она с удовольствием вдохнула свежий воздух, оглянулась и пустилась вприпрыжку по камням, то исчезая за скалами, то снова появляясь, пока не оказалась у самого берега. Ветер раздувал ее платье, как парус, развеивал длинные волосы. Глаза девушки смеялись. Вдруг она увидела дельфина и от неожиданности испугалась.

- Мечтатель улыбнулся по-дельфиньи, нырнул и снова появился.
- Дельфин, что ты здесь делаешь? Мечтатель замер.
- Знаешь, как ты меня испугал? Мечтатель стукнул по воде хвостом.
- Что тебе нужно возле скал?

Мечтатель стукнул по воде хвостом два раза.

- Уж не ранен ли ты?

Мечтатель выпрыгнул из воды и издал радостное восклицание.

- Нет, ты не ранен!.. Ой, какой же ты большой!.. Ты меня не боишься?

Мечтатель подскочил еще выше. Девушка всплеснула руками, но сейчас же обернулась в сторону дачи. На террасе никого не было, а пляж был полон людьми.

- Я оставила виолончель и тайком выбралась из дома, – доверительно сказала она.

- Мне предстоит играть на конкурсе в Мюнхене.

Мечтатель не понял ее слов. Он ловко выскочил из воды, заставив девушку громко рассмеяться. Этот смех что-то напомнил ей, она приложила палец к губам и снова посмотрела в сторону дачи.

- До свидания! – крикнула она. – Пора возвращаться, а то они все поймут.

Между скалами снова замелькали ноги, руки, платье и волосы девушки.

Вечером над заливом опять поплыли знакомые звуки. В огромном звездном зале опять находился один-единственный слушатель – Мечтатель. Он слушал и глядел на зеленоватое сияние. В этот момент к нему подплыл Вожак.

- Концерт продолжается, не так ли? – спросил он.
- Да.
- Тебе нравится?
- Да.
- Что с тобой происходит?
- Не могу оторваться, Вожак.
- А мы повсюду искали тебя. Стадо в заливе и ждет тебя.

Только теперь Мечтатель посмотрел на него и поведал о своих ощущениях. И добавил, что ни за что на свете не уйдет с этого места. Вожак понял его и не стал укорять. Только спросил:

- И как долго ты собираешься пробыть здесь?
- Не знаю.
- Ты что-нибудь ешь?

- Нет.
- Ты счастлив?
- Да... Вожак, что со мной происходит?
- Ничего, дорогой... У тебя просто слишком чувствительная душа.
- Это хорошо?
- Кто его знает... Но по-моему, хорошо.
- Знаешь, это она там играет!
- Знаю.
- Я очарован.

– Ладно, – сказал Вожак – оставайся пока здесь, но помни: дельфины – это дельфины, а люди – это люди.

– Да, да...

– Мы не можем проникнуть в мир человека. Помни – когда кончится эта история, ты можешь спокойно вернуться к нам. Никто тебя ни в чем не упрекнет, никто не станет допытывать расспросами... Понял?

– Понял...

– Нет, ничего ты не понял, – с грустной улыбкой произнес Вожак. – Ну да ладно...

Слушай себе музыку... Потом все поймешь... До свидания.

– Прощай, Вожак!

На следующее утро девушка сбежала по скалам к воде и издали махнула Мечтателю рукой. Мечтатель вздрогнул.

– Ты опять здесь! – задыхаясь, крикнула девушка. – Что ты здесь делаешь?.. Я их перехитрила! Пустила магнитофонную запись конкурсной пьесы!.. Пусть слушают и думают, что я в своей комнате!

Мечтатель молча подплыл к скале. Девушка погладила его по спине.

– Выкупаюсь-ка я! – сказала она и сбросила платье. – Для этого я и убежала.

Знаешь, с каким трудом я нашла свой купальник!.. Поплыли!

Девушка и Мечтатель заплыли далеко в море. Сначала девушка просто держалась за дельфина, потом он подставил ей свою спину, и она села на него верхом. Она крепко держалась за Мечтателя, когда тот нырял под воду, вскрикивала, когда он подскакивал. Черные волосы девушки прилипли к ее плечам, мокрая кожа блестела.

Они были одни, вокруг простиралось бескрайнее море, над их головами сверкал голубой купол неба. Девушка не знала, в каком направлении находится дача, потому что кругом виднелась лишь линия горизонта.

Мечтатель без устали бил хвостом по воде, и девушка поняла, что так он выражает свою радость. Дельфин заплывал все дальше в море. Казалось, голубой небесный купол движется вместе с ними, потому что они все время оставались в центре, окруженные водой и светом. И только почувствовав, что солнце светит ей в спину, девушка поняла, что они возвращаются. Вскоре показался залив с полосой песчаного пляжа, где наслаждались горячим песком и прохладной водой ее двоюродные братья и сестры, ее тети и дяди... Только она, бедняжка, целыми днями играет в своей комнате. И никто не смеет ее беспокоить, потому что приближается день конкурса и славы...

Мечтатель приблизился к скалам, девушка соскочила в воду и поплыла к берегу. Там она схватила свою одежду, помахала дельфину рукой и побежала к даче.

Магнитофонная лента уже кончалась. Девушка быстро выключила магнитофон и взяла виолончель. Теперь она играла бодро и восторженно.

– Сегодня ты играешь на редкость хорошо, – сказала мать девушки, войдя в комнату. Лицо женщины сияло... – Ты по-новому освещаешь мысль автора... Пошли обедать!

Вечером будущая участница конкурса, как обычно, стала играть, освещенная зеленоватым светом. А Мечтатель доплыл по каньону до своего обычного места. Концерт с единственным слушателем продолжался.

Мечтатель пережил еще два счастливых дня – девушка спускалась к скалам, он подхватывал ее и уносил в открытое море. И, конечно, девушка с каждым днем играла все лучше. Но всему приходит конец. Обман с магнитофоном был раскрыт.

Мать девушки случайно вошла в комнату и все поняла. Она пересекла террасу, спустилась по камням к морю и принялась искать дочь. Но нашла только ее платье.

Напрасно она звала ее... Поднялся переполох. Статные спасатели обшарили весь залив. Были вызваны катера и лодки. Но поиски не дали никаких результатов.

А тем временем Мечтатель сумел незаметно высадить девушку на скалы.

Но в тот вечер зеленый огонек не зажегся, музыка не зазвучала. Девушка не появилась. Напрасно Мечтатель ждал до утра, напрасно подплыл утром к скалам, чтобы унести свою подругу в море. Она не пришла ни в тот день, ни на следующий...

А через три дня Мечтатель предпринял нечто необычайное. Мобилизовав всю свою волю и все свои силы, он выполз на песчаный берег. Преодолевая метр за метром, он добрался до террасы. И там потерял сознание. Но его затуманенный взгляд был обращен в сторону комнаты.

Его обнаружил отец девушки. Он сейчас же позвал двух рыбаков. Те заявили, что это невероятный случай и добавили, что за дельфина можно получить немалые деньги, если сдать тушу. Но отец девушки не согласился. Он считал, что дельфин еще жив и что его надо вернуть в море.

Мужчины перенесли Мечтателя на берег, осторожно опустили его в воду и стали ждать. Жизнь медленно возвращалась к дельфину, и когда он перевернулся брюхом ко дну, отец девушки воскликнул:

– Посмотрите! Залив полон дельфинов!

– И правда! – удивился один из рыбаков. – Ой, сколько дельфинов!

– Невероятно! – сказал другой рыбак. – Никогда не видел столько дельфинов!

Вожак бесстрашно подплыл к Мечтателю и погладил его по затылку. Следом за ним к бедняге подплыли еще несколько дельфинов. Они подхватили своего полу мертвого товарища и понесли его в море.

Отец девушки с интересом наблюдал за происходящим. Рыбаки недоуменно переглядывались.

– Теперь я верю всему, что пишут об этих животных, – сказал отец девушки. – Но что ему нужно было у меня на даче?.. Какая тайна скрыта в его отчаянном поступке?

С того дня прошло больше года. Мечтатель снова плавал со своими товарищами, но редко бывал весел. И всегда, когда стадо пересекало залив, он отставал от него и подплывал к скалам. Но напрасно он прислушивался в надежде услышать знакомую мелодию.

В такие минуты Вожак подплывал к нему и шептал:

– Пойми, милый мой Мечтатель, мир человека не похож на наш...

Играя и резвясь, дельфины незаметно приближались к заливу Юноши с бледным лицом, где они должны были встретиться с Мони, забрать его и снова понестись по голубым морским дорогам. Разумеется, дельфины не забывали и о том, что порой море преподносит сюрпризы. Они встречали терпящих кораблекрушение, тонущих людей.

Порой им попадались застывшие среди моря в ожидании ветра яхты. Они помогали тонущим добраться до берега, а перед яхтами разыгрывали целые спектакли, чтобы помочь яхтсменам скоротать время до тех пор, пока задует бриз.

В этот день они с удивлением увидели корабль, на котором находились в основном дети. Дети пели веселые песни. Стадо окружило корабль, и по знаку Вожака дельфины выстроились в две линии. Первым выскочил из воды Ловкий. А дальше пошли такие трюки и прыжки, что их трудно описать. Нам остается только позавидовать ребятам, которые видели все это собственными глазами.

На борту экскурсионного судна находился один догадливый мальчик. Он бросил дельфинам мяч. Те подхватили его и устроили показательный волейбольный матч, который продолжался до тех пор, пока не наступило время плыть в залив Юноши с бледным лицом. Тогда Вожак в последний раз ударил мяч головой, послав его обратно на палубу, прямо в руки догадливому мальчику.

Вы представили себе эту картину? А дети видели все это.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПА-ПА-ПА.

Мони приплыл в залив Юноши с бледным лицом задолго до условленного времени.

Сейчас он так не походил на того беззаботного, веселого дельфинчика, каким все привыкли его видеть... Со вчерашнего вечера он переживал свое первое горе в жизни, притом большое горе. Увидев его в таком состоянии, обитатели залива удивились. Больше всех удивился бычок Па-па-па. Для удобства его называли просто Па-па, а для еще большего удобства некоторые называли его и вовсе Па. Но большинство обитателей залива вообще никак его не называли, справедливо считая, то так удобнее всего.

Бычок Па-па-па сразу почувствовал особое настроение Мони и поспешил оставить подводную скалу, которую он избрал своей резиденцией. Рыбы называли эту скалу Плям-плям и старались не приближаться к ней, потому что Па-па-па отличался необычайной болтливостью и любопытством.

– Мони, здравствуй! – крикнул Па-па-па.

– Здравствуй, – тихо ответил Мони.

– Как жизнь?

– Не особенно хорошо.

Этот ответ поразил бычка. Обычно на такой вопрос отвечают «хорошо», и только по интонации можно определить истинное положение вещей.

– Ты хочешь сказать, что хорошо, но не особенно, да?

– Наоборот, очень плохо.

– Вот как?.. Почему?

– Мой друг попал в беду.

– А что такое «друг»?

– Существо, которое я люблю.

– Вот как?.. А ты тоже попал в беду?

– Лично я нет.

– В чем же тогда дело?

– Как в чем дело?

– Почему ты тогда в плохом настроении?

– Потому что мой друг попал в беду. Ему угрожает смертельная опасность.

– А тебе угрожает смертельная опасность?

– Нет.

– Тогда почему ты в плохом настроении?

– Потому что я люблю своего друга. Из-за меня его схватила Синяя акула.

– А тебя схватила Синяя акула?

– Нет.

– Тогда почему ты в плохом настроении?

– Послушай, Па, – разозлился Мони, – убирайся отсюда, пока я не вышел из себя!

– Я не хочу, чтобы ты вышел из себя, но любопытство сильнее страха. Я хочу знать, чего ты ждешь и что собираешься делать дальше. Пока не узнаю, не уберусь, хоть убей меня!

– Ты так говоришь, потому что знаешь, что я тебя не трону.

– Поверь, что даже в случае смертельной опасности я бы остался здесь, чтобы понять, что ты здесь делаешь, чего ждешь. А если не узнаю, то пусть лучше я умру... Потому что я такой, и все знают это, потому что...

– Хорошо, хорошо... Я жду папу и маму. Мне надо рассказать им все о Лисенке.

Надо спасти его!

– А зачем его спасать?

– Потому что я его люблю!.. Сколько раз повторять? Убирайся с моих глаз долой!

– Теперь я могу и уйти. – сказал успокоенный Па па па. – Я все узнал... Сейчас я расскажу об услышанном другим рыбам.

Бычок поплыл к Плям-плям. Мони облегченно вздохнул.

Через три минуты весть о том, что Синяя акула схватила Лисенка, несколько раз облетела залив и направилась в открытое море. До дельфинов она дошла в следующем виде:

Вчера Синяя акула проглотила какого-то лисенка и откусила хвост Мони, которому удалось спастись, но который на всю жизнь остался без хвоста и теперь будет из-за этого

прихрамывать при плавании.

Представьте себе состояние Вожака и его супруги после такой новости. Не издав ни звука, Вожак стремительно поплыл к заливу Юноши с бледным лицом. А мать бедного Мони заплакала, но так тихо, чтобы никто не услышал ее. Она была гордой матерью и настоящей подругой мудрого Вожака.

Подплыв в сыну, Вожак сделал несколько кругов, придирчиво осмотрел его и спросил:

– Мони, у тебя есть хвост?

– Конечно. А в чем дело? – удивился Мони.

– Просто спрашиваю, есть или нет?

– Вот он, – ответил Мони, показав свой хвост.

– Странное дело! Есть... Хвост у него на месте, – сказал Вожак подплывшей супруге.

– Вот как?.. А чего у него нет?

– Сейчас спрошу.

Родители вдвоем сделали круг вокруг сына.

– Мони, у тебя все на месте? – спросил отец.

– Да.

– А нам сказали, что у тебя чего-то нет, – объяснила мать. – Хвоста нет.

– У меня больше нет друга, – грустно произнес Мони и рассказал обо всем, что с ним приключилось, не забыв и о дне рождении Синей акулы.

А в это время весть о том, что Синяя акула проглотила Мони и Лисенка, облетела все море. Рыбы леденели от страха и неизвестности. Лишь одни подданные Глагоабазубадузы были спокойны, как и их царица.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. ХА-ХА-ХА.

Мне приходится следить одновременно за многими событиями, поэтому я забываю порой отдельные подробности – например, название скалы, на которой томился Лисенок. Ее прозвали Нырющей скалой, потому что, как я уже говорил, ее острые камни выступали из воды и служили местом отдыха для чаек только в тихие дни.

Стоило морю разбушеваться, как волны захлестывали ее, и только пена свидетельствовала о ее существовании.

Кроме того, я забыл добавить, что никто не мог с уверенностью сказать, что придет в голову акуле. Она часто меняла свои намерения. Пока она была сыта, она держалась вполне прилично, но вот прошли сутки, и ее настроение изменилось. Она начала нервничать.

– Знаешь что? Я что-то плохо себя чувствую, – начала хищница.

– Уж не больны ли вы?

– Не знаю.

– Как не знаете?

– Что-то у меня такое... в животе.

– Наверно, гастрит, – решил Лисенок. – Вы слишком много едите.

– Нет, это не гастрит.

– А что же?

– Думаю, что от голода. Но не стоит обращать на это внимания.

Синяя акула сделала круг вокруг скалы и снова приблизилась к жертве. Она, как кнутом, была по воде хвостом.

– Хочу есть! – чистосердечно призналась она. – Я очень хочу есть и не знаю, что делать.

Лисенок ничего не ответил. Он давно заметил, что поведение акулы изменилось. И невольно стал со страхом смотреть ей в пасть, где желтели скучающие, готовые заработать зубы. В течении следующего часа хищница не могла упрекнуть себя в недобросовестности. Она непрерывно шмыгала под скалу и старалась хоть немного утолить голод мелкими рыбешками. Но они только разжигали ее аппетит. Теперь Синяя акула уже не походила на то склонное к сентиментальности существо, которое еще вчера было готово рассказывать о своей жизни. Тогда она была сыта.

– Не знаю, выдержу ли я. – заявила она наконец. – Да и ради чего я должна торчать здесь,

где мне совершен но нечего есть?

– Прогуляйтесь! – предложил пленник.

– А ты тем временем сбежишь, да?

– Как же я сбегу?

– Тебя унесут дельфины.

– Тогда голодайте здесь.

– Мне не хочется голодать.

– В чем дело? Вы, кажется, на что-то намекаете? спросил Лисенок.

– Нет смысла придерживаться традиций, – словно бы про себя произнесла акула. – Что из того, что я родилась 23 июля? Я вполне могла родиться и 21 июля. Тогда мой день рождения был бы сегодня и я могла бы тебя съесть.

– Это, конечно, так, но поскольку вы не...

– Ну и что в том?

– Не стоит изменять традициям. Их не напрасно выдумали самые умные существа на свете – люди. Вы говорите – не двадцать третьего, а двадцать первого...

– Вот именно. Это не имеет никакого значения.

– Имеет. Вы родились двадцать третьего и должны праздновать эту дату двадцать третьего!.. Нельзя праздновать день рождения, когда вам вздумается. Каждый рождается только раз.

– И умирает только раз.

– Хватит говорить о смерти!

– Я так хочу есть!.. Съем-ка я тебя сегодня, а там будь что будет. Не стану я тебя стеречь целых три дня!

Синяя акула прищурила глаза. Лисенок поежился. СЕГОДНЯ ему не хотелось умирать.

Вчера – другое дело. Вчера ему нравилось быть героем, он просто не обдумал всего как следует. Но когда человек или животное оказывается на одиноком острове, невольно приходят часы раздумий, переоценки некоторых вещей. невольно принимаются новые решения. Не случайно мыслители ищут уединения. А большего уединения, чем на острове, не бывает. Ходишь по острову – никого. смотришь вперед – море, смотришь вверх – небо, куда не повернешься – кругом морская ширь.

И не раз к голову приходит мысль, не совершил ли глупости. погнавшись за журавлем в небе и выпустив синицу. Убедившись в ошибке, одинокий скиталец стремится вернуться домой.

Истина, к которой пришел Лисенок за эти двадцать четыре часа, была особенно горькой. Здесь, между небом и морем, он постиг еще одну важную истину: жить – это так хорошо!

Но одно – желание жить, а другое – когда кто-то не хочет, чтобы ты жил. Лисенок смотрел в кровавадные глаза акулы, которые горели от нетерпения.

– Двадцать третьего числа погода будет прекрасной. и вы на славу отпразднуете свой день рождения, – сказал Лисенок.

– Я не выдержу до тех пор. У меня свело живот от голода.

– Закаляйте волю! Представьте себе, что меня нет.

– Это невозможно, – простонала акула. – Я представляю себе, что ем тебя. Что бы ты ни говорил, я думаю только об этом.

– У вас нет воображения. Почему вы не представите себе что-нибудь прекрасное?

Например, восход солнца.

– Для меня нет ничего прекраснее еды!.. Тихо!.. Не шевелись!.. Я заметила крупную скумбрию.

– Скумбрия! – закричал во всю мочь Лисенок. – Беги!

Синяя акула исчезла. Вскоре она вернулась. Теперь она стала еще злее.

– Ты не имеешь права разгонять моих жертв, понял?

– Мне не хотелось, чтобы вы ее проглотили.

– Глупец, если бы я ее съела, ты жил бы дольше.

– Знаю.

– Почему же тогда поступаешь столь опрометчиво?

– Я был обязан спасти ее.

– Этого я понять не могу. И зачем вы стремитесь помогать друг другу?.. Неужели это доставляет вам удовольствие?

– Это не удовольствие, а долг... Но вам этого не понять.

– Мне и незачем понимать. А тебя уже ничто не спасет.

Синяя акула ударила по воде хвостом. В ее жесте сквозило нетерпение. Лисенок понял его значение и завopil от ужаса.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Синяя акула, которая на самом деле была серо-синей, а сейчас черной от злости.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕЛЬФИНЫ НАЧИНАЮТ БОРОТЬСЯ.

– Она не проглотит его раньше 23 июля! – уверенно заявил Мони.

Члены Дельфиньего совета переглянулись, потом загадочно заулыбались. Мони хотел было обидеться, но он был хорошо воспитан и пересилил себя. В таких случаях он закрывал глаза и несколько раз повторял про себя:

Взрослые редко ошибаются, взрослые редко ошибаются... И наоборот:

Дети совершают ошибку за ошибкой, дети совершают ошибку за ошибкой...

– Может, объясним ему? – нарушил молчание Ловкий.

– Попробуем, – согласился Вожак. – Если он и сегодня не поймет нас, то вспомнит наши слова, когда вырастет... Я должен объяснить ему?

– Ты.

– Видишь ли, Мони, – начал Вожак, – нельзя верить акуле и ей подобным, Особенно, когда они что-нибудь говорят, когда сыты. Сытый думает одно, голодный – другое.

Синяя акула уже проголодалась и, ручаясь, вертится возле Лисенка, намереваясь его съесть.

– Не дожидаясь дня рождения?.. Но ведь это нарушение традиции!

– Традиций придерживаются только сытые, они-то их и придумали. Синяя акула сейчас думает только о том, как-бы приступить к делу... Если только не поживилась крупной жертвой.

– А возле Ныряющей скалы не водятся крупных обитателей, – дополнил Ловкий. – Конечно, порой туда заплывает крупная рыба, но акула не может сейчас гоняться за ней. Она должна стеречь Лисенка... У меня такое предчувствие, что твоего друга сегодня проглотят.

– Тогда и моя жизнь кончена!.. Это я во всем виноват... Что вы медлите? Нельзя ли что-нибудь предпринять?

Все повернулись к Вожаку.

– Это мы сейчас обсудим, – сказал он. – Надо очистить наше море от акулы. Каждый день мы даем все новые жертвы.

– Наступило время решительных действий! – крикнул Ловкий.

– Раздавим проклятую! – поддержал его Смелый.

– Как? – спокойно осведомился Вожак.

– Что-нибудь придумаем, – прошептал Длинный.

– Должны же мы с ней разделаться, – откликнулся Толстяк.

– Наступило время! – повторил Ловкий. – Пусть у нас будут жертвы, но мы одолеем ее!

– Да, без жертв не обойдется, – сурово произнес Вожак. – Не забывайте, что Синяя акула – непревзойденный пловец. Кто может настигнуть ее?

– Тогда давайте ждать и ничего не делать! – недовольно буркнул Ловкий.

– Нет! Мы начинаем бороться, пути назад нет! – Вожак задумался. – Мы или спасем Лисенка, или отомстим за него.

– Надо спасти его! – заволновался Мони.

– Это зависит от многих вещей. А вот и Серебряная кефаль.

Известная своей мудростью, Серебряная кефаль приплыла к месту встречи, как и обещала Мони. Она и в самом деле была очень мудрой, если ее сравнивать с рыбами, однако дельфины – другое дело. Но что она могла предложить? Правда, со вчерашнего вечера она думала только о том, как спасти пленника.

– У тебя есть предложение? – спросил Вожак.

– Есть у меня одна идея... Может, она не слишком удачна, но поскольку ничего другого мне в голову не пришло, изложу вам ее, – скромно произнесла кефаль.

– Догадываюсь, – произнес Вожак. – Я тоже подумал об этом. Ты имеешь в виду Глагоабазубадузу, да?

– Вот именно! Но как ты догадался?

– Она все время у меня на уме. При желании она могла бы помочь одолеть Синюю акулу.

– Эта напыщенная корзинка? – удивился Ловкий.

– Эта слизкая... – даже не могу найти подходящего слова, – присоединился к Ловкому Смелый.

– Только ОНА может помочь.

– Но как?

– Она и ее кочующая империя.

Представьте себе удивление Дельфиньего совета, а я представляю себе ваше удивление. Но Мечтатель, который уже начал кое о чем догадываться, добавил:

– Ее кочующая империя насчитывает три миллиарда медуз.

Наступило молчание. Члены совета один за другим начинали понимать, к чему клонит Вожак. Они один за другим поднимали головы, давая понять, что им все ясно. А вы еще не догадались, правда?

– Чего же мы ждем? – спросил Ловкий. – Поплыли!

– Гениальная идея! – подпрыгнул Смелый. – Вперед! Где Глагоабамуза?

– Глагоабазубадуза! – поправил его кто-то.

Никак не могу запомнить ее имя... Давайте.. ее разыщем!

Но Вожак молчал.

– Отец, почему ты молчишь?.. Ничего не понимаю... Как медуза может одолеть акулу? Но если может, то почему ты медлишь?

Вожак молчал.

– Тебе не кажется, что твое молчание в такой момент обижает нас? – не выдержал Ловкий.

– Мы теряем время, – поддержал его Смелый. – Надо немедленно переходить к действиям.

– Отец!..

– Замолчи, Мони! И отплыви подальше, ты мне мешаешь.

Мони послушно отплыл. Вожак продолжал загадочно молчать. Другие члены совета тоже замолчали и склонили головы, потому что уважали своего вожака. По выражению его глаз они поняли, что он принимает важное решение. Наконец Вожак сказал:

– Послушайте, друзья. Мне не хотелось бы объяснять, что меня смущает, почему было бы лучше отказаться от услуг Глагоабазубадузы. Позвольте мне сохранить эту тайну. Что касается решения, то оно принято. Мы – совет, и решения принимаются большинством.

– Мы верим тебе и не настаиваем на том, чтобы ты сообщал нам причины твоих сомнений, – тихо произнес Смелый.

– Свои соображения я не изложу ни за что на свете! И так, надо разыскать царицу медуз!.. Пусть каждый ищет ее самостоятельно.

– Но как объяснить ей?.. – спросил Мечтатель. Действительно, как вдолбить этому тупому рыхлому существу, которое и существом-то не назовешь, что надо собрать по крайней мере два миллиона медуз и поручить им совсем простую задачу?

– Это до отчаяния бесчувственная масса! – с отвращением воскликнул Ловкий.

– И все же – за дело! – прозвучал бодрый голос Вожака. – Надо разыскать Глагоабазубадузу.

– Позвольте мне удалиться, – попросила Серебряная кефаль.

– Куда ты собралась?

– К Па-па-па! – с улыбкой ответила кефаль. Все заулыбались, несмотря на озабоченность. Сейчас бычок, этот известный болтун и сплетник, мог сослужить хорошую службу. Его язык мог сделать наконец и нечто полезное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАКОВО-ТО ТЕБЕ СЕЙЧАС, ЛИСЕНОК?

Хвост Синея акулы взметнулся над Ныряющей скалой, и Лисенок предпочел добровольно броситься в море. Пока хищница огибала скалу, пленник снова вскарабкался на нее и стал ждать второго удара. Акула вытаращила глаза, потом снова раздался ее зловещий смех.

– Видите ли, в чем дело, – произнес Лисенок – я забыл самое главное.

– Что?

– В суматохе забыл спросить вас, знаете ли вы, что такое БАСНЯ?

– В литературе я не сильна, – призналась злодейка.

– Басня – это литературное произведение, в котором что-то говорится о людях, но это «что-то» относится к животным.

– Ну и что?

– Что «ну и что»?

– Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

– Интересною, знаете ли вы.

– Оставь свои хитрости.

Раздосадованная акула теперь была начеку. В этот критический момент Лисенок ненавидел свой хвост. Он старательно подобрал его под себя, хотя и понимал – с хвостом ли, без него ли, долго сопротивляться он не сможет. Второй удар окажется более точным. Лисенок весь напрягся, готовый в любой момент броситься в море.

Синяя акула ходила кругами около скалы и яростно ревела. Бедный скиталец из Тихого леса дрожал, как осиновый листок.

А хищница яростно била хвостом по воде, поднимая волны. Они заливали скалу, подбирались к несчастному Лисенку.

«Пока акула огибает скалу, надо перебраться на другой ее конец и крепко держаться за камни. Надо все время находиться на максимальном расстоянии от нее». – думал пленник.

Волны становились все выше, они перекачивались через скалу, готовые смыть жертву. Лисенок держался из последних сил. Может, кончить эту неравную борьбу, броситься в море. а там будь что будет... Только чайки наблюдали сверху за этим поединком. Они кричали, может, звали кого-то на помощь? Но кого? Никого вокруг не было. Да и кто ему теперь поможет? Птицы впервые наблюдали схватку между акулой и маленьким лисенком. Они просто не верили собственным глазам. Наверно, они позднее начнут рассказывать всем: «Теперь нас ничто уже не удивит. Чего только не увидишь на этом свете, даже поединок между акулой и лисенком».

Вокруг лапок бедного Лисенка обвили водоросли. Они мешали ему, став настоящими союзниками хищницы. «Где же справедливость – думал Лисенок. – Даже водоросли помогают тому, кто сильнее. В такие минуты некоторые предпочитают стать на сторону сильного и несправедливого»...

После второго удара Лисенок упал в воду, но не потерял сознания. Куда делся его пушистый хвост?.. Да вот же он. под животом... Но что это?.. Ой, да это же пасть акулы... Какая же она огромная!..

Набежавшая волна подхватила жертву и внесла ее прямо в пасть хищницы.

Да, Лисенок, теперь ты вряд ли можешь рассчитывать на спасение!..

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялась Синяя акула и захлопнула пасть.

Лисенок погрузился в совершенную темноту. Естественную темноту, которая наступает перед всяким концом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ДИПЛОМАТИЯ.

Вы уже знаете, что спасти Лисенка поздно. Но дельфины этого не знали. Они надеялись, что акула все же отнесется с уважением к своему дню рождения, ведь она так высоко чтит себя. Самовлюбленные величия способны на это. У бычка от бесконечных рассказов

потрескались губы.

Дельфины окружили Глагоабазубадузу. Царица никак не могла понять, чего от нее хотят. Дельфины недоумевали – что она делает, разговаривает с ними или любит свое окраской? Переговоры протекали так:

МЕДУЗА: Зачем вам понадобились два миллиона моих подданных?

ВОЖАК /в сотый раз/: Мы вам уже объяснили. Два миллиона медуз, сбившихся возле Синей акулы, могут образовать плотную стену, из-за которой хищнице не выбраться.

МЕДУЗА: Почему не выбраться?

ВОЖАК: И это я вам уже объяснил. Два миллиона медуз как-бы обволокут ее вязкой массой.

МЕДУЗА: Какой массой?

ВОЖАК /в сотый раз/: Вязкой. В ней злодейка не сможет даже хвостом пошевелить.

Мы очистим от нее море.

МЕДУЗА: А зачем его очищать?

ВОЖАК: /пытаясь сохранить спокойствие/: Она нападает на обитателей нашего моря и убивает их.

МЕДУЗА: Ну и что?

ВОЖАК: Вы не можете понять, что такое убийство, понять чувства жертвы. Сначала – боль, потом – вечный сон.

МЕДУЗА: А разве плохо спать? ВОЖАК: Вы не можете этого понять. МЕДУЗА: Почему не можем?

ВОЖАК /с легким раздражением/: Потому что вы не чувствуете боли.

МЕДУЗА /спокойно/: Почему мы не чувствуем боли?

ВОЖАК /с раздражением/: Потому что вы тупые, низкие существа.

МЕДУЗА: А это плохо – быть тупыми, низшими существами?

ВОЖАК: Для вас хорошо.

МЕДУЗА: А почему для вас не хорошо?

ВОЖАК: Потому что мы, более высшие существа, чувствуем и боль, и радость, и грусть.

Поняли?

МЕДУЗА: А это хорошо – не чувствовать их?

ВОЖАК: Нет!

МЕДУЗА: А что лучше – быть низшим существом или высшим?

ВОЖАК /в сотый раз обманывает/: Низшим.

МЕДУЗА /довольным тоном/: Значит, мы очень значительны? Так?

ВОЖАК: Очень!

МЕДУЗА: Что же вы хотите?

ВОЖАК /в сто первый раз/: Хотим, чтобы вы зацементировали вашими двумя миллионами медуз...

МЕДУЗА: Нас три миллиарда.

ВОЖАК /в сто первый раз/: Нас устроят и два миллиона. Надо зажать ее со всех сторон, придушить и спасти Лисенка.

МЕДУЗА: Зачем его спасать? ВОЖАК: Чтобы его не убили. МЕДУЗА: А как его убьют?

ВОЖАК: Съедят.

МЕДУЗА: Ну и что, если его съедят? ВОЖАК: Тогда Лисенка не будет. МЕДУЗА: Ну и что?

ВОЖАК: Он очень хороший. Его друзья и близкие будут плакать.

МЕДУЗА: А они могли бы не плакать?

ВОЖАК: Нет.

МЕДУЗА: Тогда пусть плачут.

ВОЖАК: Его гибель принесет им особую боль, которой вы не знаете.

МЕДУЗА: А почему мы ее не знаем?

ВОЖАК: Потому что вы – тупицы!

МЕДУЗА: А это хорошо – быть тупицей?

ВОЖАК: Для некоторых хорошо.

МЕДУЗА /любуюсь своей окраской/: Для кого хорошо?

ВОЖАК /выйдя из себя/: Для вас!.. Потому что вы отвратительные, бесчувственные, низкие твари, порождающие отвращение.

МЕДУЗА: Столько хороших вещей, и все о нас?

ВОЖАК: Все о вас!

МЕДУЗА /любуюсь собой/: Вы осыпали меня комплиментами... Как вас отблагодарить?

ВОЖАК: Соберите два миллиона медуз, чтобы окружить акулу.

МЕДУЗА: Зачем ее окружать?

ВОЖАК /готовый заплакать от отчаяния/: Чтобы ее убить.

МЕДУЗА: Ладно, ладно. Но если мы ее убьем, разве она не умрет?

ВОЖАК: Умрет.

МЕДУЗА: Но ведь вы сказали, что умирать плохо? Вы хотите, чтобы Лисенок не умер, а Синяя акула умерла.

ВОЖАК: Лисенок должен жить, потому что он добрый, а Синяя акула должна умереть, потому что она кровожадная хищница!

МЕДУЗА: Не понимаю вас, ну да ладно... Так что вы хотите от меня?

ВОЖАК /со слезами в голосе/: Просим приказать вашим подданным... Вы, самая красивая царица из всех, должны собрать своих подданных возле Синей акулы, пусть они окружают ее тесным кругом и сжимают круг до тех пор, пока не задушат ее.

Кроме того, пусть они пускают ядовитую кислоту, ослепят непобедимую акулу, сожгут ее. Это ваше страшное оружие надо употребить против кровожадного врага.

МЕДУЗА: Повторите еще раз. Я вас не поняла. ВОЖАК: Нам нужны два миллиона медуз.

МЕДУЗА: Зачем они вам?

Вожак, окончательно отчаявшись, посмотрел на своих друзей. Ловкий поспешил ему на помощь.

ЛОВКИЙ /подплыв к царице и улыбаясь ей самой приятной улыбкой/: Вы не находите, ваше величество, что сегодня прекрасная погода?

МЕДУЗА: Возможно. Ну и что?

ЛОВКИЙ: Сегодня прекрасный день.

МЕДУЗА: Ну и что?

ЛОВКИЙ: В такой день ваша мантия сверкает и переливается.

МЕДУЗА: Она и ночью красива. ЛОВКИЙ: Согласен, но днем... МЕДУЗА: Зачем вы мне все это говорите? ЛОВКИЙ: Потому что я в вас влюблен. МЕДУЗА: Что значит влюблен?

ЛОВКИЙ /со злостью/: Идите ко всем чертям, тупица!.. Хотел вам польстить, но разве это гнусное противное существо чем-нибудь преймешь!

Видя, что переговоры терпят провал, к Глагоабазубадузе подплыл Мечтатель.

МЕЧТАТЕЛЬ /безразлично/: Ваше величество, неужели у вас три миллиарда подданных?

МЕДУЗА: Разумеется. Мы каждый год проводим перепись. Их даже больше, чем три миллиарда.

МЕЧТАТЕЛЬ: Возможно, но я что-то не верю. МЕДУЗА: Как не верите?

МЕЧТАТЕЛЬ: Как же я могу поверить?.. Ведь возле вас не больше тысячи медуз.

МЕДУЗА: Мне достаточно тысячи. Это мои фрейлины.

МЕЧТАТЕЛЬ: Значит, вас не три миллиарда. МЕДУЗА: По-вашему, я лгу?

МЕЧТАТЕЛЬ: Пока я не увижу хотя бы три миллиона из трех миллиардов, ни за что не поверю.

МЕДУЗА: Если я захочу, вы их увидите. МЕЧТАТЕЛЬ: А как вы их соберете? Вы можете им приказывать?

МЕДУЗА: Стоит мне сказать слово...

МЕЧТАТЕЛЬ: И они вас послушаются, так?

МЕДУЗА: А вы как думаете?

МЕЧТАТЕЛЬ: Я думаю, что не послушаются.

МЕДУЗА: Послушаются!

МЕЧТАТЕЛЬ: Нет... Я все же считаю, что вы не можете собрать вокруг Синей акулы три миллиона медуз и приказать им взять ее в тиски и выпустить ядовитую кислоту.

МЕДУЗА: Могу.

МЕЧТАТЕЛЬ: Не можете!

МЕДУЗА: Где их собрать?

МЕЧТАТЕЛЬ: Возле Ныряющей скалы. И немедленно.

МЕДУЗА: Сейчас увидите... Вы говорили о Синей акуле?

МЕЧТАТЕЛЬ: Да.

МЕДУЗА: Они должны окружить ее?

МЕЧТАТЕЛЬ: Просто обнять.

МЕДУЗА: И выпустить кислоту?

МЕЧТАТЕЛЬ: Да.

МЕДУЗА: Три миллиона?

МЕЧТАТЕЛЬ: Три.

МЕДУЗА: Смотрите, что сейчас будет!.. Вожак и Ловкий бросились обнимать Мечтателя.

Наконец-то им удалось справиться с Глагоабазубадузой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. ЧЕСТНОЕ СЛОВО АКУЛЫ

Лисенок протиснулся через что-то узкое и оказался в огромном помещении, где тоже царила темнота. Здесь было теплее, чем в море, и главное – спокойнее.

– Ха-ха-ха! – раздался смех Синей акулы, но сейчас он звучал приглушенно.

Лисенок сжался. Значит, это и есть смерть, о которой столько говорят? Он мертв, это ясно. Остается только припомнить, как развивались события. Сначала он упал со скалы в море, потом попал акуле в пасть, оттуда – в узкий туннель, из туннеля – в просторный зал. Остается определить, что его ждет дальше. За пастью обычно следует горло, за горлом... Лисенок закричал от ужаса.

– Что ты кричишь? – послышался глухой голос акулы.

– Где я нахожусь?

– У меня в брюхе.

Значит, это брюхо акулы!.. Спасенья нет! И все же проглоченная жертва недоумевала – во-первых, не было никакой боли, во-вторых. Лисенок чувствовал себя совершенно здоровым. Он ощупал себя. Все на месте – и хвост, и лапы, и голова, и спина. В желудке хищницы было тепло, удобно, даже уютно, не хватало только освещения.

– Что случилось? – крикнул Лисенок.

– Я тебя проглотила, – ответила акула. – Волна внесла тебя прямо мне в пасть. – Голос слышался совсем слабо, вероятно, хищница тоже кричала.

– И что произойдет дальше?

– Ничего особенного, хитрец.

– Ишь ты, ничего особенного!.. Вы же собирались меня съесть?

– Так со мной нередко бывает. Когда я особенно голодна, порой заглатываю жертву целиком.

– Ну и что?

– Ничего... Только так я не испытываю никакого удовольствия от еды.

– И что вы тогда делаете?

– Выплюываю жертву и съедаю ее.

– И со мной вы так поступите?

– Разумеется, – Я снова увижу свет?

– Увидишь, если успеешь что-нибудь увидеть за несколько секунд.

– Посмотрим!

– Послушай, ты опять хитришь.

– И все же, когда это произойдет?

– Когда этого захочу Я.

– Прошу вас, выплюньте меня поскорее, чтобы я мог больше уважать вас.

– Это уж мое дело.

Лисенок замолчал. Ему было неплохо в брюхе акулы, он мог лечь, мог кувырнуться,

подскакивать, растянуться во всю длину.

Чтобы вам стало ясно, что собой представляет брюхо подобного чудовища, я скажу вам несколько слов об акулах. Синяя акула относилась к «китовым акулам», к разделу «людоедов». Длина такой акулы обыкновенно достигает двенадцати метров, а длина отдельных ее представительниц даже и восемнадцати метров. Если примем среднюю длину таких акул за 15 метров, а Синяя акула имела как раз такую длину, то мы можем себе представить брюхо акулы, в котором оказался Лисенок. Бывали случаи, когда в брюхах таких акул обнаруживали целых тюленей. А однажды шотландские моряки нашли в брюхе акулы целый ящик с виски. Можете себе представить, как они обрадовались. К тому же оказалось, что виски, выдержанное в брюхе акулы, приобрело исключительные вкусовые качества. Вернувшись в Шотландию, моряки сообщили о своем открытии фирме и как доказательство представили дегустаторам две бутылки. Попробовав виски, дегустаторы подскочили от неожиданности. Представители фирмы попросили моряков подбросить несколько сотен ящиков с виски встреченным по пути акулам и пометить этих акул маленькими гарпунчиками, К сожалению, ни одна из помеченных акул и по сей день не попала к представителям фирмы. В связи с этим можно сделать следующие предположения:

1. Моряки, не дожидаясь истечения определенного двухлетнего срока, истребили висконосителей и выпили виски.

2. Акулы неожиданно нашли способ откупоривать бутылки, выпили виски, и сами сдохли. Их погубило пьянство.

3. Акулы, о которых идет речь, облагодетельствованные тем фактом, что стали обладателями богатства, на быструю руку сменили профессию – превратились из акул в торговцев спиртными напитками, что почти одно и то же – пооткрывали собственные портовые таверны. обросли жиром.

4. Произошло и первое, и второе, и третье. Когда знаешь, что ты мертв, невольно хочется еще раз взглянуть на мир. На тот самый мир, который, возможно, не производил на тебя раньше особого впечатления, а порой даже раздражал. Но в такой ситуации мир становится необычайно дорогим и интересным.

– Выплюньте меня! – отчаянно молил Лисенок.

– Нет.

– Я буду благодарен вам до конца своих дней.

– Нет!..

Хищница была неумолима. Лисенок в изнеможении лег и, видимо, от пережитого волнения и усталости неожиданно заснул.

Проснувшись, он не мог определить, сколько времени проспал. Кругом была кромешная темнота. Его ужаснула мысль, что во сне его могли сожрать, что он мог не увидеть в последний раз солнечного света. Чего ждет Синяя акула? Почему не съедает его? Однако чем больше рассуждал Лисенок, тем больше убеждался в том, что ему совсем не плохо в брюхе акулы. Если его выплюнут

– гибель неизбежна, а так у него есть слабая надежда на спасение. Он и сам не знал, на что надеялся. И все же, пока ты жив, даже если ты мертвец, надейся!..

Вдруг хищница неожиданно погибнет или умрет от старости?

Всякое случается.

– Как вы себя чувствуете? – осведомился пленник.

– Что ты сказал?

– Спросил, как вы себя чувствуете!

– Хорошо. Говори громче.

– Ладно.

– И поосторожнее ходи. Твои когти впиваются мне в желудок и причиняют боль.

– Вот как?

– Поосторожнее с когтями... Скоро я тебя выплуну и съем.

– Нет! – завопил Лисенок и инстинктивно впился когтями в теплую мякоть.

– Ой! – взревела хищница.

– В чем дело? – спросил Лисенок.

- Больно!
- Извините.
- Сейчас я тебя выплону.
- Нет! – крикнул пленник и снова впился когтями в брюхо акулы.
- Так я не могу тебя выплунуть, глупец!.. Пусти меня!
- Не пушу!
- Ой!.. Ой-ой-ой!!!

Синяя акула заметалась в воде.

- Больно о-о!.. Пусти меня!
- Не пушу!

Хищница выла от нестерпимой боли и носилась вокруг скалы. Ее глаза метали молнии, хвост вздымал каскады брызг. Но ее усилия выплунуть жертву оставались тщетными.

- Вам очень больно? – спросил Лисенок.
- Нестерпимо!
- Очень рад.
- Я тебя убью!
- Попробуйте!

Акула исчезла под водой, снова нырнула, но боль не отпускала ее. Не помогали ни резкие движения, ни крики. Эти крики вспугнули чаек. Они не могли понять, что происходит с хозяйкой морей. Впервые они видели чудовище, перед которым все трепетали, таким беспомощным.

Наконец акула пересилила боль, притихла и произнесла: – Если ты... уберешь свои когти, я сохраню тебе жизнь.

- Обманываешь.
- Обещаю...
- Я вам не верю.
- Клянусь!
- Акулам нельзя верить.

– Обещаю... Клянусь своими отцом и матерью, своим будущим... Обещаю выбросить тебя на камни и уплыть.

- Скажи: «Если не сдержу слова, пусть я лопну на месте.»
- Если не сдержу слова, пусть я лопну на месте.
- Если не сдержу слова, пусть у меня вытекут глаза.
- Если не сдержу слова, пусть у меня вытекут глаза, – повторила акула.
- Пусть у меня отсохнет хвост.
- Пусть у меня отсохнет хвост.
- Если не сдержу слова, пусть я буду проклята, пусть море носит меня, как высохшее

дерево, выбросит меня на песок...

– Пусть море носит меня, как высохшее дерево, выбросит меня на песок. – покорно повторила акула.

Подумав, вы поймете, что у Лисенка не было выбора. В желудке его ожидала смерть – он умер бы вместе с акулой, в море его опять ожидала смерть – если акула выплунет его, она сейчас же сожрет свою жертву. Ему оставалось надеяться только на честное слово акулы. Но надежда на то, что она его сдержит, была очень слабой. А как бы вы поступили на месте Лисенка?.. Так уж мы устроены, что готовы поверить даже честному слову злодеев. В живых существах всегда теплится надежда... Лисенок прибрал когти. Акула выплонула его на скалу, и поскольку боль еще не прошла, отплыла в сторону. Но едва придя в себя, она зловеще рассмеялась:

- Ха-ха-ха!

Синяя акула стукнула хвостом по воде и понеслась к Ныряющей скале.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. ПЕРЕЖИТЫЙ УЖАС.

Синяя акула стукнула хвостом по воде и понеслась к Ныряющей скале. И вдруг с разбега

налетела на какую-то мягкую стену. Такую мягкую, что удар не причинил никакой боли. Акула удивилась, отплыла от скалы, снова набрала скорость и... снова ударилась о мягкую стену, похожую на рыбачью сеть.

– Неужели? – воскликнула как-бы про себя акула. Что она хотела сказать этим «неужели»?.. Ей случилось попадать в сети, но порвать сеть для нее было секундным делом. Поэтому она снова решила отплыть и разогнаться, но вдруг почувствовала, что ее хвост завяз в какой-то студенистой массе.

Медузы все плотнее прижимались к акуле: сто, тысяча, миллион, два миллиона, три миллиона... Здесь были медузы всех размеров и цветов. Круг все сужался, медузы прижимались одна к другой, заняв собой огромное пространство. Возможно, эта слизкая сплошная масса достигла уже дна моря.

Гроза океанов, чемпион по плаванию, семидесятилетняя Синяя акула, не зная до сих пор поражений, почувствовала, что оказалась в бассейне с вязким клеем. Она все еще надеялась, что медузы уплывут, как и приплыли. Но когда ей обожгло глаза кислотой, акула взревела. Кислота обожгла ей пасть. Подданные Глагоабазубадузы все выпускали и выпускали кислоту. Хищница уже не могла открыть ни глаз, ни пасти, а когда попыталась стукнуть хвостом, то не смогла вытащить его из липкой массы. Ее огромная сила иссякла. Она понимала, что увязла в липкой каше, что бесславно гибнет из-за этих презренных полусуществ.

Чайки сверху наблюдали за агонией страшной хищницы, способной сожрать целое море, и не смели поверить в ее гибель.

– Неужели пришло освобождение? – прошептала одна из чаек.

– Может, это сон? – предположила другая.

– Нет, это не сон!

– И это сделали медузы!

А об изумлении Лисенка, только теперь понявшего, какой опасности он избежал, и говорить нечего. Как чаще всего бывает в таких случаях, он только теперь задрожал от ужаса. Пестрые представительницы медузьевого царства, образовавшие сплошную студенистую массу, злое покачивались возле скалы. Лисенок не оборачивался назад и поэтому не видел дельфинов, которые не могли приблизиться и терпеливо наблюдали за происходящим издали.

«Воины» Глагоабазубадузы начали постепенно исчезать, – вода становилась все прозрачнее. Медузы, одна за другой, отдавали себя во власть волн и уплывали, сами не зная куда и зачем. Ни одну из них нигде никто не ждал.

– Что вы теперь скажете? – обратилась Глагоабазубадуза к Мечтателю.

– Вы доказали, что обладаете большой властью.

– Теперь вы поверили?

– Поверил.

– До свидания.

Царица медуз величественно удалилась вместе со своей свитой. Дельфины, потрясенные увиденным, все еще не могли прийти в себя. Все молчали, члены Дельфиньего совета обменивались многозначительными взглядами.

– Мне даже не пришло в голову поблагодарить ее, – произнес наконец Вожак. – Она не нам помогала, а тешила свое самолюбие.

– Я потрясен, – сказал Ловкий. – А что ты скажешь, Мечтатель?

– После всего увиденного я, наверно, смогу говорить только завтра.

– Главное, мы спасли Лисенка.

Мони прыгал от радости, кувыркался, вздымал каскады брызг, но и ему, несмотря на весь энтузиазм, приходилось, как и всем, ждать, пока рассеется кислота медуз.

Течение подхватило и понесло отравленную кислотой воду к берегу. Дельфинам пришлось предупредить об опасности всех тех, кто могли попасть в смертоносную струю. Но вот и с этим делом было покончено, и Дельфиний совет направился к Лисенку. Когда дельфины приближались к скале, перед ними медленно всплыло огромное тело Синей акулы. Ее плавники подрагивали, хвост чуть-чуть шевелился.

Она все еще корчилась в предсмертной агонии.

– Сколько она еще протянет? – спросил Ловкий.

- Мне кажется, она подохнет точно в свой день рождения, – сказал Вожак.
- Смотрите! – крикнул Ловкий, указывая в сторону Нырьющей скалы.
- Да, – с улыбкой произнес Вожак, – это замечательный момент.
- Лисенок перебирался Мони на спину.
- Поплаваем? – спросил дельфинчик.
- Конечно!
- Теперь мы можем плыть, куда хотим.
- Потому что нам больше ничего не угрожает, да?
- Да. Наш враг мертв.
- Ты не можешь нырнуть ненадолго?
- Конечно, могу. А зачем нырять?
- Чтобы выкупать меня... Я побывал в брюхе у акулы.
- Не обманывай, – с упреком сказал Мони и нырнул.
- Я не обманываю, – заверил его Лисенок, когда они снова оказались на поверхности.
- Да ладно, ладно!..

Лисенок понял, что бессмысленно убеждать кого бы то ни было ни здесь, ни в Тихом лесу в том, что он пережил такой ужас. Только чайки кричали сверху:

«Побывал... Побывал!..» Но никто не обратил на них внимания.

Лисенку вдруг пришла в голову интересная мысль:

«Я умирал дважды. Наверно, я больше не буду умирать. Значит, я бессмертен».

По-моему, это опасная мысль. Меня утешает только то, что она высказана ребенком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. ТАЙНА ДЕЛЬФИНОВ.

Возможно, сто тысяч медуз с успехом справились бы с акулой, возможно, совершенно не стоило собирать целых три миллиона этих странных существ. Дельфины поняли это, когда увидели, что ядовитое пятно простирается на десятки километров, что оно почти достигло дна. У каждого из дельфинов на языке был один и тот же вопрос, но ни один из них не решался произнести его вслух. Наконец Ловкий не выдержал, подплыл к Вожаку и спросил:

– Меня интересует, почему ты упорно не желал обращаться к медузам за помощью?

Я тоже хотел спросить об этом, – присоединился к нему Мечтатель.

– Вы настаиваете на ответе? – со вздохом спросил Вожак.

– Нас это очень интересует.

– Лучше бы вы меня об этом не спрашивали.

– Почему?

– Лучше не поднимать шум вокруг этого вопроса.

– Но почему?..

– Потому что речь идет о жизни и будущем всех обитателей моря.

– Понятно, – произнес Мечтатель. – И мне это пришло в голову.

– А я ничего не понимаю, – признался Ловкий. – Что у нас общего с медузами?

Отвратительные существа, которые даже не осознают того, что живут.

– Хорошо, я вам все объясню, – согласился Вожак. – Но помните, что я вам доверяю тайну. Никто не должен проникнуть в нее. Речь идет о нашей безопасности... Если эта липкая трехмиллиардная масса осознает свою силу, мы погибли. Медузы могут в любое время окружить нас, и нас постигнет участь Синей акулы.

– Это верно! – изумился Ловкий. – Они могут стать владычицами моря!

– Но у них нет стремления к чему-либо подобному. – заметил Мечтатель.

– Кто их знает. – ответил Вожак. – Может, их толкнет на это мания величия, может, им захочется продемонстрировать свою силу... Поэтому мне не хотелось обращаться к ним за помощью. Они могут осознать свои возможности.

– Едва ли, – возразил Мечтатель. – Это понимают только члены нашего совета. Мы должны молчать до конца жизни.

– А Серебряная кефаль?

– Она первая обо всем догадалась. Уверен, что эта тайна умрет вместе с ней.

Снова наступило молчание. Члены совета представляли себе страшные картины...

Если медузы осознают свою силу, никто не сможет справиться с ними. Никто не в состоянии их уничтожить. Их можно убивать, мять, рвать, но это ни к чему не приведет. Из каждого их кусочка родится новая медуза. Они будут наступать медленно и спокойно, окружать, выпускать ядовитую жидкость

– до тех пор, пока не восторжествует империя бессмыслия, тупости и ничтожества.

Представьте себе море без дельфинов и рыб, царство воды, медуз и бесчувствия.

– И человек беспомощен перед ними, – заметил Вожак.

– Корабли не смогут плавать, – дополнил Мечтатель.

Представьте себе море-пустыню, империю студня, в котором раздаются только приказы Глагоабазубадузы. Представьте себе море не синее и прозрачное, а липкое и слизкое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. ПРЕКРАСНАЯ ВЕЩЬ – ДРУЖБА!

Две недели Лисенок и Мони беззаботно играли в воде. Но однажды утром Лисенок сказал:

– Видишь ли, Мони...

– Знаю, – прервал его друг. – я должен доставить тебя в залив, где живет твой автор.

– Да, где живет твой автор.

– Он прежде всего твой.

– Ладно, наш автор... Пойми, что цель моего путешествия – встретиться с ним и задать ему несколько вопросов... Мы можем отправиться к нему немедленно?

– Можем.

– Ты слишком коротко отвечаешь. Тебе грустно, что мы расстаемся?

– Уж не хочешь ли ты, чтобы я пел?

– Нет. Я хочу, чтобы тебе было как же грустно расставаться, как и мне. Ведь так расстаются друзья?

– Садись мне на спину.

– Но мне бы хотелось сначала проститься с дельфинами.

– Не стоит расстраивать и их... Лучше я вернусь и скажу им, что ты ушел. Они удивятся, что ты даже не попрощался, и тогда я объясню им: «Так мы решили, чтобы не огорчать вас преждевременно».

Дельфинчик плыл прямо к заливу автора. Лисенок тоже молчал. Море было светло-голубым, на небе сияло чистое белое солнце, молодое и сильное, готовое пересечь весь небесный купол и зайти, как это и положено. Солнце пересечет небесный купол и зайдет – это прозойдет более, чем наверняка. Миллионы лет оно всходит и заходит, проделывает один и тот же путь, и ни разу не случилось ничего непредвиденного. Лисенок смотрел на солнце и думал о том, как непродолжительна дружба между двумя детьми, но как важна эта дружба для жизни. Да и сама жизнь не так уж длинна. Где он окажется завтра? Где будет завтра Мони? Где сейчас Юноша с бледным лицом? А главное

– где сейчас Мокси? Все так же жует чертополох на своем чудесном холме? Ждет ли его? Готов ли отправиться в Тихий лес? Прекрасная вещь – дружба, такая, например, как между ним и Мони. Прекрасно, если Юноша с бледным лицом целует сейчас в Булонском лесу свою Изабелл и если Мокси, увидев Лисенка, спросит: «Отправляемся в путь?»

Но жизнь людей и животных не похожа на движение солнца. В жизни людей и животных много случайных, непредвиденных вещей и приключений. Поэтому куда лучше быть не солнцем, а живым существом. Что может рассказать нам солнце?.. Ничего. Что может рассказать нам Лисенок? Много... Солнце не побывало ни в орлином гнезде, ни в пасти акулы. Кроме того, Лисенок вносит в жизнь других оживление, создает настроение, что делает будни интереснее и прекраснее – хоть на немного.

«Важно, когда цель достигнута, вернуться в тот уголок земли, который взрастил тебя, – думал Лисенок. – Потому что без этого уголка земли, ты бездомен и ничтожен. А почему это так, объяснить трудно.»

– Ты что-то сказал? – спросил Мони.

– Нет. Но тебе, вероятно, надоело молчание. Давай поговорим... И мне тяжело. Не знаю,

кто первым сказал ставшую известной истину, что жизнь состоит из встреч и разлук. Как это ни избито, но жизнь состоит именно из встреч и разлук. Иначе и нельзя. Представь себе, что мы будем с тобой вечно, всю жизнь. Что получится? Я рожден, чтобы жить на суше, ты – в море.

– Это так. но ты рассуждаешь не как ребенок, а как взрослый. Лучше нам сейчас разговаривать и мечтать по-детски. Нам потом всю жизнь разговаривать, как разговаривают взрослые.

– Мони, зачем нам себя обманывать? Я говорю от имени нашего автора. Ты не заметил, что он делает с нами все, что ему вздумается? Мы – то дети, то

– взрослые...

– Заметил.

– В том-то и дело, что мы принадлежим ему. У нас нет собственного лица, нет собственной жизни. Как бы нам ни хотелось быть вместе всю жизнь, он все равно разлучит нас!

– Это так, и поэтому я его не люблю. Нет ничего неприятнее нашего автора. Он не считается ни с нашими желаниями, ни с желаниями читателей. Мне порой самому хочется стать автором и делать, что вздумается. Лисенок, а это легко – писать книги?

– Ты меня спрашиваешь?

– Нет, свою бабушку!

– А мне казалось, что ты меня спрашиваешь об этом.

– Ты опять хитришь, но я все понял.

– Что понял?

– Раз не отвечаешь на вопрос прямо, значит, ты пытался писать...

– Пытался, – признался Лисенок.

– Что ты писал?

– Роман.

– И до какой страницы ты дошел?

– Я?.. Я еще не умею писать. Я придумал только начало.

– Можно его услышать?

– Конечно. Мне очень хочется услышать чье-нибудь мнение... Слушай. Я начал роман так: «Солнце подняло свой огненный диск над горами».

– А дальше?

– А дальше пока ничего нет.

– О чем будет роман?

– Не знаю. Я ведь говорю, что пока придумал только начало.

– Тогда могу тебе сообщить, что я тоже начал один роман.

– Вот как? И сколько ты уже написал?

– Тоже лишь начало. У меня тоже поднимается солнечный диск, только над морем.

Приятели рассмеялись, им стало легче. Им стало бы еще легче, знай они, что над миром всходили и заходили миллионы солнечных дисков, и что из этих миллионов несколько солнц достигли зенита и мировой писательской славы, что эти солнца никогда не закатятся, потому что книги этих писателей будут всегда пользоваться любовью читателей.

– Мы уже приближаемся, – сказал Мони.

– Понял, – ответил Лисенок.

– Видишь вон те мостки, которые начинаются на суше и уходят в море? Это причал. Самый маленький причал из всех, которые я видел. Он принадлежит твоему автору.

– Нашему автору.

– Хорошо, нашему автору. Соскочишь с моей спины прямо на причал.

– Ладно.

– От причала вверх ведет тропинка. По ней ты добежишь прямо вон к тому домику.

Видишь вон там, среди деревьев? Там он живет.

– А ты уплываешь?

– Да.

– Может, останешься? Я приведу его к тебе, ты сможешь поговорить с ним.

– Не хочу. Я его не люблю.

– С каких пор?

– Он плохой человек.

– И писатель он плохой?

– Я не знаю его как писателя. Для меня он просто плохой человек.

Лисенок улыбнулся, но Мони не видел этого. Они уже приблизились к причалу.

– Прыгай!

– Сейчас.

– Чего ты ждешь?

– Мне грустно.

– Прыгай!

Лисенок прыгнул на причал, оглянулся и посмотрел на своего друга. Сейчас он казался ему особенно милым и симпатичным.

– А теперь что?

– Теперь я поплыву обратно.

– Знаю.

– До свидания.

– Не спеши, Мони!.. Знаешь что?

– Что?

– Давай договоримся думать друг о друге каждый день по одной минуте на закате солнца... Будешь думать обо мне?

– Буду.

– Каждый день на закате я буду закрывать глаза и думать о тебе. Так каждый день мы будем вместе, будем разговаривать друг с другом. Поверь, я всегда буду знать, что ты хочешь мне сказать.

– И я тоже...

– По-моему, – продолжил Лисенок, – всегда можно догадаться, что могут сказать друг другу друзья.

– Правильно, – согласился Мони, – но мне многое надо будет тебе рассказать. Не лучше ли говорить не по одной, а по пять минут?

– Прекрасно!.. Каждый день по пять минут. Давай проведем репетицию.

– Давай!

– Мони, закрой глаза!

– Закрыл.

– И я закрыл... Теперь слушай. Я буду начинать всегда так: «Здравствуй, Мони!»

«Здравствуй, Лисенок!»

«Что ты сейчас делаешь, Мони?»

«Спрашиваю себя, почему ты такой обманщик? Как ты можешь утверждать, что побывал в брюхе Синей акулы?»

«Мы – дети, Мони, и можем быть повсюду. Взрослые не могут, а мы можем.»

«Знаешь, как я тебя люблю?»

«А я люблю тебя еще больше!»

«Этого не может быть, потому что я люблю тебя очень-очень!»

«Что ты сегодня делал? Были у тебя приключения?»

«Ничего особенного... Вернее, ничего такого, что стоило бы описывать в книге.»

«И у меня так же... Как Вожак, Мечтатель, Ловкий?»

«Хорошо. А как ваши?»

«Тоже хорошо... Ты уже научился делать сальто в воздухе?»

«Осваиваю его. А ты научился читать?»

«Учусь... А что делает Серебряная кефаль?»

«Давно ее не видел... Ты вспоминаешь иногда Юношу с бледным лицом?»

«Когда я думаю о тебе, вспоминаю и его... Я часто о тебе думаю.»

«И я.»

«Нам уже пора прощаться?»

«До встречи завтра в это же время.»

Лисенок открыл глаза и увидел уплывающего Мони. Как быстро он плывет! На спине

маленького дельфина сверкают солнечные блики. Лисенок почувствовал, что на глаза у него навертываются слезы. Мони все уменьшался, пока не превратился в маленькую веселую точку, сливающуюся с линией горизонта...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. ЛИСЕНОК ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ.

Лисенок вытер слезы и попытался улыбнуться. Он надеялся таким образом сдержать слезы. Сначала у него получилось нечто среднее между улыбкой и плачем, потом на его мордочке засияла чистая улыбка, и только капельки влаги на веках свидетельствовали о недавних слезах. Он обернулся и взглянул на тропинку. Она вилась среди скал, взбегала на холм и обрывалась у домика среди деревьев.

Лисенок поднял лапку, собираясь сделать первый шаг, но тут его остановил строгий голос:

– Ты что здесь делаешь?

– Ничего, – машинально ответил Лисенок и посмотрел на скалы.

За скалами простиралась полоска прибрежного песка – совсем узкая, шириной в три-четыре шага. На песке лежала лодка. Возле нее стоял высокий человек в очках.

В руке он держал кисть, с которой капала краска.

– Ты опять сбежал?

– Я, нет... Я...

– Иди сюда!

– Куда?

– Со мной тебе хитрить нечего. Ты очень хорошо знаешь куда.

– Да, но я хочу знать куда точно.

Лисенок обогнул скалы и ступил на песок. Теперь высокий человек в очках сидел на низенькой табуреточке и красил лодку. Его брюки и рубашка были перепачканы краской. Лисенок не видел его лица. Он встал у него за спиной и стал ждать.

Поскольку мужчина не оборачивался, маленький путешественник сообщил:

– Я уже здесь.

– Прежде всего объясни мне, почему ты убежал из Тихого леса?

– Да я...

– Ты ведь обещал, что не убежишь больше?

– Обещал, но на этот раз я оставил записку.

Только теперь мужчина обернулся, и беглец увидел его строгое лицо, пересеченное двумя морщинами. Мужчина выпрямился и бросил:

– Пошли!

Лисенок старался держаться на расстоянии трех шагов от него. Они поднялись по крутому склону и сразу оказались перед домиком. Беглецу он показался очень маленьким. Но оказавшись в тени навеса, он понял, что здесь очень уютно. Во дворе валялся большой ржавый якорь, сохла рыбачья сеть, а в летней кухне варилась уха. Мужчина в очках привел своего маленького гостя в прохладную беседку. Там был стол и стулья. На столе стояла ваза с персиками. Лисенок увидел сочные плоды и уже не мог отвести от них взгляда. Мужчина в очках сел и закурил.

– Так ты говоришь, что оставил записку?

– Да.

Персики были крупные, покрытые пушистой корочкой.

– И сейчас же отправился в дорогу?

– Да.

Один из персиков был особенно привлекательным – крупный, желтый, с красным бочком.

– Твой отец не знает где ты?

– Не знает.

Лисенок стал пересчитывать персики, но все время сбивался со счета по двум причинам: во-первых, его очень занимал самый большой персик, во-вторых, он был не силен в арифметике.

– Знаешь, что ты наделал?

– Да.

Такие персики надо есть медленно, чтобы насладиться их ароматом и вкусом и ни в коем случае не подавиться.

– Ты понимаешь, какой ты глупый?

– Да... Извините, что это за шарики у вас на столе?

– Где?

– В вазе.

– Это персики... Что привело тебя сюда?

– Да... Так, значит, это персики?

– Может, ты объяснишь, как ты здесь очутился?

– Да... А персики едят?

– Скажи, до каких пор ты будешь убегать из дома и причинять всем беспокойство?

– Да... А они сладкие?

– Послушай, разбойник, меня тебя не перехитрить! Ты знаешь, кто я?

– Еще бы не знать?... И вы едите их, когда хотите?

– Я твой автор.

– А мне что делать, если мне тоже хочется персиков? Автор отвернулся, скрывая улыбку, потом, чтобы не рассмеяться, закрыл лицо руками.

– Я хочу персиков! – крикнул Лисенок.

– Хорошо, возьми.

Лисенок схватил два персика сразу и стал подносить ко рту то один, то другой, не зная, с какого начать. Автор молча взял у него меньший из персиков и положил его на стол. Не сводя взгляда с отнятого персика, Лисенок стал с жадностью есть.

– Я хочу съесть еще один!

– Пожалуйста.

Лисенок съел и второй персик.

– Можно я съем еще один?

– Можно.

Лисенок съел и третий персик.

– А можно мне съесть и еще один?

– Съешь их все, хитрец... Я нарву еще.

– А есть еще?

– Вон на дереве.

– Когда покончу с этими, пойду посмотрю на те. Когда ваза опустела, Лисенок погладил свой живот и с трудом перевел дух.

– Знаете что?... Персики на дереве меня не интересуют.

– Зачем ты столько ел?

– Из дружеских чувств к Мони. Ведь он не мог отведать персиков, вот я и ел – один за себя, один – за него.

– А почему ты не слушаешь, что тебе говорят?

– Извините, но на голодный желудок я не умею слушать.

– Что с тобой теперь делать?

– Не знаю.

– Но все же?

– Не знаю.

– Ты слышишь, о чем я тебя спрашиваю?

– Я пришел не для того, чтобы меня спрашивали! Я хочу сам задавать вопросы.

– Ишь ты! – воскликнул автор и погасил сигарету.

– Давайте разберемся, – продолжил Лисенок. – Я пришел посмотреть на вас и задать вам несколько вопросов. Для этого я и совершил путешествие. Мне пора возвращаться. Мокси давно ждет меня.

– Зачем тебе задавать вопрос? Все и так ясно.

– Не совсем ясно. Знаете как мне тяжело, когда меня сравнивают с медвежонком Пухом!

Говорят, я на него похож.

Писатель встал и стал расхаживать взад-вперед по беседке.

– Кто это тебе говорит?

– Некоторые читатели.

– В известном смысле ты на него похож, – согласился автор.

– Это очень обидно – быть похожим на кого-то... А кто этот медвежонок?

– Он – герой книги одного писателя, которого я очень уважаю. Возможно, вы и похожи.

Но все же ты отличаешься от него. Его медвежонок Пух развлекает нас, а ты борешься со злом, благодаря тебе добро побеждает.

– Жалко, что я на кого-то похож, мне хочется, чтобы кто-то походил на меня.

– Ты слишком многого хочешь!.. И все же ты можешь гордиться. Ты обладаешь многими положительными качествами, тебя можно полюбить.

– Почему вы тогда меня ругаете?

– Ты должен сидеть дома. Дети не должны уходить без разрешения.

– А зачем вы разлучили нас с Мони?

– Ты сам объяснил ему, зачем.

– Вы жестокий!..

– Кончились твои вопросы?

– Прогоняете меня?

– Тебя разыскивают родители.

– Но у меня еще есть вопросы. Зачем вы заставили страдать Мечтателя и Юношу с бледным лицом? Почему сделали медуз такими отвратительными?

– А ты подумай и сам ответь на эти вопросы, – с улыбкой ответил автор.

Лисенок почесал затылок и воскликнул:

– Трудно иметь дело с вами, взрослыми... Говорите нам, что вам вздумается.

Хорошо, а почему у дельфинов так блестят спины при солнечном свете?

– И на этот вопрос ты можешь сам ответить.

– А как попала в Черное море Синяя акула? Она не помнила этого.

– Думаю, что в нее запустили небольшую стрелу со снотворным. Акула заснула, ее подняли сетью на судно. Порой мне кажется, что ее выпустили здесь с научной целью. Но, возможно, эти сделали и те, кто не могут примириться с фактом, что наше теплое море с обширными песчаными пляжами и без опасных акул становится любимым местом отдыха для многих туристов.

– Ага! – произнес Лисенок.

– Без этих «ага»!.. Уж я-то тебя знаю, и мне известно, что ты так отвечаешь, когда тебе что-нибудь неясно... Родители заждались тебя.

– Почему вы здесь живете?

– Где здесь?

– Здесь, далеко от людей.

– Мне нужна спокойная обстановка.

– Так делают все писатели?

– Некоторые.

– Это модно?

– Не суй нос в чужие дела.

– А какие дела мои?

– Твое дело – вернуться в Тихий лес.

– Очень интересно. Вы хотите, чтобы я делал только то, что вы мне прикажете.

Разве я не имею права на самостоятельность?

– Будешь иметь право, когда вырасташь.

– Я не хочу расти.

– Почему?

– Мне кажется, что лучше навсегда остаться маленьким.

– Чтобы я больше не слышал от тебя таких слов!..

– Кажется, мы отошли от вопроса. Я хочу быть самостоятельным.

– Хочешь, но это невозможно. Герои думают и делают то, что им прикажет автор.

– Охоо!

– Что?

– Это нечестно.

– А убегать из дома честно?

– Вы знаете, чем меня уколоть. Сколько раз зарекался не спорить со взрослыми, но опять...

– Таким ты и должен быть.

– Раз так, обещаю вырасти, – со вздохом произнес Лисенок.

– Сейчас ты мне нравишься.

Автор взял Лисенка на руки, поднял его и поцеловал. Потом понес в свой домик.

Там он показал ему пишущую машинку, книги, много всяких интересных вещей, выброшенных морем на берег. Автор собирал их много лет. Потом он показал своему гостю увешанную портретами стену.

– Это они, – сказал автор.

– Значит, это они и есть, – удивился Лисенок. – А кто они?

– Большие...

– Они большие? А по ним не видно, что большие.

– Это самые большие писатели. Лисенок даже присвистнул. Значит, речь идет о писателях!

– Стало быть, это самые большие писатели?

– Для меня – самые большие.

– А для других – не самые большие?

– У каждого свои самые любимые писатели. Я люблю этих.

Автор снова подхватил Лисенка на руки, спустился с ним к морю, спустил на воду лодку.

– Куда мы отправляемся? – осведомился Лисенок.

– К заливу Знаменитого Ленивого Краба... Ты отправляешься в обратный путь.

– Надо подождать.

Автор запустил мотор и взялся за руль.

– А чего нам ждать? – спросил он.

– Надо подождать, пока высохнет краска.

– Опять хитришь?

– Вам придется снова красить лодку.

– Ничего, ради тебя можно покрасить ее и во второй раз!

– Только вас я не могу перехитрить, – с улыбкой сказал Лисенок и потерял мордочкой о нос автора.

Потом свернулся клубочком у него на коленях, испытывая странное удовольствие.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ПОДОЖДИ, ЛИСЕНОК!..

Автор и лодка быстро удалялись от берега, становились все меньше и меньше и наконец слились с водой, растворились в пространстве и времени, исчезли бесследно, как исчезают многие лодки и авторы. Лисенок махал им вслед до тех пор, пока не понял, что машет одним облакам. Он в последний раз взглянул на море и отправился к чудесному холму, поросшему чертополохом.

– Подожди, Лисенок! – услышал он знакомый голос.

– Кто меня зовет? – голос показался ему знакомым.

– Я!

– Кто ты и где ты?

– Здесь.

– Почему я тебя не вижу?

– Иди сюда и увидишь.

– Сам иди сюда!

– Мне лень.

- Кто ты?
- Знаменитый Ленивый Краб. Лисенок вернулся к морю. Знаменитый Ленивый Краб возлежал на скале.
- Извини меня, краб!
- Ничего, так нередко бывает. Ты встретился с более крупными обитателями моря, интересно провел с ними время, почему бы тебе не забыть о том, кто первым прочел тебе визитную карточку моря.
- Прости меня, краб... Мне нет оправдания. Знаю, что виноват перед тобой.
- Ничего, Лисенок.
- Прости меня.
- Ничего, ничего.
- Ты слышишь, что я тебе говорю, понимаешь, как тяготит меня моя вина?
- Ничего, ничего.
- Ото всего сердца прошу у тебя прощения.
- Такова жизнь, – с чувством произнес Знаменитый Ленивый Краб. – Крупные события и встречи затмевают мелкие.
- Прошу тебя, краб!.. Твои слова ранят меня прямо в сердце.
- Большие личности потому и большие, что помнят и важные, и не очень важные вещи.
- Оставь больших личностей. Ты разрываешь мне сердце!
- Люди и животные, – не успокаивался обиженный, – думают, что оставляют что-то после себя, а оставляют только воспоминания.
- Краб!..
- Все мы оставляем после себя только воспоминания, и плохо тому, кто вспоминает только важные вещи... Подожди, Лисенок, выслушай меня до конца!.. Дельфины – это нечто большое, а Знаменитый Ленивый Краб, каким бы знаменитым и ленивым он ни был, остается всего лишь маленьким, ни на что не способным крабом...
- Дорогой мой краб, ну зачем ты так! – со слезами в голосе воскликнул Лисенок.
- Но и этот Знаменитый Ленивый Краб коснулся твоей жизни, отнял у тебя крупицу времени и сказал тебе несколько слов.
- Ну зачем ты причиняешь мне боль?
- Почитай больших, но уважай и маленьких.
- Краб, краб!..
- Это очень важно для личности, если ты хочешь быть личностью. А так поступать, как поступил ты, нехорошо...
- Тебе очень нравится меня мучить?
- Это унижительно...
- Да, но тебе доставляет удовольствие мучить меня.
- Все ясно, – не унимался Знаменитый Ленивый Краб. – Где тебе помнить того, кто первым прочел тебе визитную карточку моря.
- Ты это уже говорил.
- Разве?
- Конечно!
- Неужели уже говорил? Извини, Лисенок.
- Ничего.
- Прошу тебя, извини меня!
- Ничего, ничего.
- Это так неприятно – повторять одно и то же! Я – глупое и ничтожное существо. Извини!..
- Я тебя уже простил.
- И чего я на тебя напал?
- Ничего, бывает.
- Но не должно случаться... Какого маху я дал... Теперь ты меня никогда не простишь.
- Ну, конечно же, я тебе прощаю, давно уже простил.
- Видишь, до чего я докатился? Вместо того, чтобы ТЫ передо мной извинялся и Я тебя

прощал, Я сам извиняюсь перед тобой и ТЫ меня прощаешь!

– Перестань, – умоляюще произнес Лисенок. – Лучше убей меня...

– Опять я виноват, – в глазах у краба блеснули слезы. – Ладно, прощай...

– Никакого «Прощай»!

– Почему?

– Я никуда отсюда не уйду, пока ты искренне не простишь меня. Я и в самом деле о тебе забыл. Слишком спешил домой...

Лисенок лег на скалу. Внизу плескались волны. Пена захлестывала камни, отступала и снова набегала. Шум моря, этот вечный, непрекращающийся шум, подействовал на маленького путешественника успокаивающе. Сейчас он жалел, что его морские приключения оказались такими бурными и быстротечными. Вместо того, чтобы полежать у воды, он влезал и вылезал из желудков разных синих акул.

– Набираешься ума-разума, да? – поинтересовался Знаменитый Ленивый Краб.

– Испытываю странное чувство...

– Испытывай, испытывай! Прошел целый час.

– Чувствуешь? – спросил Знаменитый Ленивый Краб.

– Чувствую, – ответил Лисенок.

– Чувствуй, чувствуй!

Прошел еще час. Запахло водорослями. Лисенок вздохнул. Краб зевнул и спросил непонятно о чем:

– Не так ли?..

– Именно так.

– Чувствуешь, как...

– И в самом деле... Надо больше времени отдавать созерцанию.

– Раз ты это понял, давай обнимемся на прощание. Они попытались обняться, но из этого ничего не получилось.

– Маленькое существо нельзя обнять, – грустно заметил краб.

– Большое дело! Важно, что мы поняли друг друга.

– И я хотел тебе сказать то же самое.

– Прощай, Знаменитый Ленивый Краб!

– Прощай, друг!

Море шумело у него за спиной, плескалось, шептало что-то... Потом его шум стал стихать...

Эпилог Мокси лежал на склоне холма, спиной к чертополоху. Там лежал толстый Мокси, совсем не похожий на стройного подвижного осла, каким он был всего месяц тому назад. Когда Лисенок остановился возле него, обжора открыл левый глаз и снова закрыл его. Дул приятный ветерок, на небе не было ни облачка – самое удобное время для путешествий.

– Извините, – произнес Лисенок. – Я оставил здесь месяц назад осла по имени Мокси. Вы не знаете, что с ним стало?

Обжора открыл на этот раз правый глаз и опять сразу же закрыл его.

– Извините, вы не видели случайно здесь осла по имени Мокси?

– Это я.

– Что?

– Я Мокси.

– Мокси? Ты стал не похож на самого себя, дружок! Я никогда не видел таких толстых ослов. Почему ты не ешь колючки?

– Не говори мне о еде. Я видеть не могу чертополоха. Одно напоминание о нем приводит меня в бешенство.

– Неужели ты разлюбил свое любимое лакомство?

Разлюбил. И кто только выдумал это ослиное лакомство?

– Значит, отправляемся в путь? Возвращаемся в родной Тихий лес!

– Ох, я мечтаю о Тихом лесе!

– Мы отправляемся в путь?

– Нет.

– Почему?

– Я не могу встать.

– Что же тогда делать?

– Надо подождать, пока я поправлюсь.

– И сколько времени придется ждать?

– Вот уже полчаса я ничего не ем, потому что изнемогаю от обилия пищи. Как только переварю ее, отправимся в путь.

– Правильно. Мокси!.. Ты видел море?

– Ничего я не видел. Я настоящий осел, который думает только о еде и не понимает романтики. Прошу тебя, никому не рассказывай о моем падении. Я никогда больше не стану есть больше того, сколько надо, чтобы жить.

– В таком случае путешествие пошло тебе на пользу. Ты поумнел. Только что мне смеяться над тобой, когда совсем недавно я сам объелся... Съел все персики со стола нашего автора.

– Не говори мне о еде! – простонал Мокси. – Прошу тебя, ни слова об этом!

Лисенок сел рядом со своим «автобусом» и стал ждать. Прошел час, второй, третий, четвертый. Стемнело, показались звезды, потом наступило утро. От нечего делать Лисенок взбежал на вершину холма, чтобы увидеть восход солнца над морем. На воде дрожали розовые отблески. Было тихо. В этом огромном прозрачном пространстве жили дельфины, рыбы, медузы, раковины, водоросли. Там плавали Вожак и Ловкий, прогуливалась среди подводных скал мудрая Серебряная кефаль, ползал по дну Знаменитый Ленивый Краб, любовалась собой Глагоабазубадуза, залечивал свою сердечную рану Мечтатель.

Вчера, на закате солнца, Лисенок провел свой первый разговор с Мони.

«Здравствуй, Мони!.. Как себя чувствуешь?»

«Милый мой обманщик, ты все еще утверждаешь, что побывал в брюхе Синей акулы?»

«Мы дети, Мони, и можем забраться, куда угодно». Море наполнилось розовым светом, и «солнечный диск поднялся над горизонтом». Потом свет пожелтел, задул бриз. по воде пошла рябь.

А осел все спал и спал. Лисенок бросил прощальный взгляд на Черное море, которое было синее многих других, более прославленных морей, и стал спускаться с холма, поросшего сочным чертополохом, которому морские ветры дарили свою соленую влагу.

А осел все спал и спал. Лисенок пощекотал его по ноздрям кончиком своего хвоста.

Мокси чихнул, но не проснулся. Лисенок снова пощекотал его. Мокси чихнул и открыл глаза.

– Доброе утро! – бодро крикнул Лисенок.

– Доброе утро? А, может, сейчас вечер?

– Ночь давно прошла, Мокси.

– Да что ты говоришь? Осел поднялся, зевнул.

– Отправляемся в путь? – учтиво спросил Лисенок.

– Сейчас... Только поем!

– Ты так и остался ослом! – с досадой крикнул Лисенок и пошел на Запад, к Тихому лесу.

Мокси с сожалением посмотрел на чертополох и бросился догонять друга.

– Почему ты на меня сердисься, Лисенок?.. Неужели я не имею права на завтрак?

Лисенок продолжал идти, не оборачиваясь и ничего не отвечая.

– Ты очень торопишься... Ох, я умру от голода. Мокси пошел быстрее. По молчанию Лисенка он пытался определить, слишком ли он сердится. Наконец он догнал друга, потом перегнал его, остановился и сказал:

– Садись!

Лисенок вскочил ему на спину и улыбнулся.

– Вперед! – крикнул он.

– К родным местам! – крикнул Мокси. Лисенок запел, но сразу же замолчал, вспомнив, что возвращается из путешествия поумневшим и возмужавшим. Он вздохнул и громко сказал:

– Чудесная вещь – этот мир!

Мир, действительно, прекрасен, особенно для тех, кто мечтает повидать его. Но всегда

надо думать о возвращении. Куда бы ты ни отправился, помни о том кусочке земли, который подарила тебе жизнь...

Ведь так рассуждал маленький зверек, который постоянно убегал из дома и не мог жить спокойно?.. Кажется, его звали Лисенком.